

INSPIRIA

ШОРТ-ЛИСТ
БУКЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ 2020

ЦАРСКАЯ ТЕНЬ

18+

МААЗА МЕНГИСТЕ

INSPIRIA

Мааза Менгисте

Царская тень

Серия «Loft. Букеровская коллекция»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67844487

М. Менгисте. Царская тень: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2022

ISBN 978-5-04-171255-6

Аннотация

Война рождает не только героев. Но и героинь.

1935 год. Войска Муссолини вот-вот войдут в Эфиопию. Недавно осиротевшая Хирут попадает служанкой в дом к офицеру Кидане и его жене Астер.

Когда разражается война, Хирут, Астер и другие женщины не хотят просто перевязывать раны и хоронить погибших. Они знают, что могут сделать для своей страны больше.

После того как император отправляется в изгнание, Хирут придумывает отчаянный план, чтобы поддержать боевой дух эфиопской армии. Но девушка даже не подозревает, что в конце концов ей придется вести собственную войну в качестве военнопленной одного из самых жестоких и беспощадных офицеров итальянской армии...

Захватывающая героическая история, пронизанная лиричностью шекспировских пьес и эмоциональным накалом античных трагедий.

Содержание

Пролог. Ожидание	9
Книга первая. Вторжение	17
Глава 1	17
Глава 2	36
Глава 3	41
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	79
Глава 7	95
Глава 8	110
Глава 9	113
Глава 10	126
Глава 11	134
Глава 12	143
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Мааза Менгисте

Царская тень

Maaza Mengiste
The Shadow King

© 2019 by Maaza Mengiste

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«Прекрасный и сокрушительный роман о женщинах, которые держат в руках мир, разрывающийся на части».

— *Марлон Джеймс*

«Великолепная книга, искусно возводящая историю в миф. А еще она невероятно затягивает, я прочел ее за два дня».

— *Салман Рудини*

«Менгисте достигает завораживающих высот, проливая свет на роль женщин в военное время – не только сиделок и медсестер, но еще и солдат, защищающих свою страну».

– *Publishers Weekly*

*Моей матери
За твою любовь, за все
Моему отцу
За то, что никогда не покидал меня, даже когда
тебя не стало
и Марко,
Без которого все это было бы невозможно*

*«...даже по смерти мы оставаться должны на
бесславные песни потомкам».
«Илиада», Гомер¹*

*«Горе земле, осеняющей крыльями по ту
сторону рек Ефиопских».
Книга пророка Исаии, глава 18, стих¹*

*«Кто из богов тебе
В горький дар, дева, дал? Ужас
Кто выкликать в бреду нудит плен этих уст,
Стройный мешая лад с воплями? Кто вдохнул
Яростный в перси вихрь?»
«Агамемнион», Эсхил²*

---

¹ Перевод Н. Гнедича.

² Перевод В. Иванова.

Пролог. Ожидание

1974

Она не хочет помнить, но она здесь, и ее память собирает кости. Она пешком и на автобусе добралась до Аддис-Абебы, идя по земле, о которой почти сорок лет не желала вспоминать. Она пришла на два дня раньше, но она дождется его, будет сидеть на земле в этом уголке вокзала, держа на коленях металлическую коробку, прижавшись спиной к стене, неподвижная, как часовой. На ней выходное платье. Волосы у нее приглажены и сплетены в аккуратные косички, она постаралась спрятать длинный шрам, который уродует ее шею у основания и проходит по плечу, будто сломанное ожерелье.

В коробке его письма, *le lettere, ho sepolo le mie lettere, e il mio segreto, Hiruit, anche il tuo segreto*³. *Segreto*, секрет, *меестир*⁴. Ты должна сохранить их для меня до нашей новой встречи. А теперь иди. *Ватене*.⁵ Пospеши, пока они тебя не схватили.

Здесь вырезки из газет, на которых стоят даты того времени, когда длилась война между ее страной и его. Она знает, что он уложил их по порядку: с самого начала, в 1935 году, почти до самого конца, в 1941-м.

---

³ Письма, письма, которые я зарыл, и мой секрет, Хирут, твой секрет тоже (*ит.*).

⁴ Секрет (*амхар.*).

⁵ Иди (*амхар.*).

В коробке ее фотографии, которые он снял по приказу Фучелли и подписал своим аккуратным почерком: *una bella ragazza. Una soldata feroce*⁶. А еще те фотографии, которые он снял по собственному желанию, мгновения, выхваченные из жизни молодой испуганной женщины, какой она была в той тюрьме за колючей проволокой, запертой в тех ужасающих ночах, от которых она никак не могла освободиться.

В шкатулке множество мертвецов, которые вопиют о воскресении.

Она пять дней добиралась до этого места. Пробивалась через пропускные пункты и нервных солдат, мимо испуганных деревенских жителей, которые шептались о грядущей революции и ожесточенных студенческих протестах. Она смотрела на шествие молодых женщин с поднятыми кулаками, вооруженных винтовками: они прошли мимо автобуса, который доставил ее в Бахр-Дар. Они посмотрели на нее – стареющую женщину в длинном непривлекательном платье, словно никогда не видели тех, кто пришел в эту жизнь перед ними. Словно женщина впервые брала в руки оружие. Словно земля под их ногами не была завоевана некоторыми из величайших воинов, каких знала Эфиопия, женщин, носивших имена Астер, Нардос, Абебех, Тседале, Азиза, Ханна, Меаза, Аинадис, Дебру, Йодит, Илилта, Абеба, Кидист, Белаинеш, Мескерем, Нуну, Тигист, Тсехаи, Мекбиб, Саба, и женщины, которую называли просто кухарка. Хирут произ-

---

⁶ Прекрасная девушка. Свирепый солдат (*ит.*).

носила имена тех женщин, пока мимо шли студенты, и каждое из этих имен возвращало ее назад во времени, пока она не оказалась снова на растерзанной земле, где задыхалась в пороховом дыму, захлебывалась едкими ядовитыми парами.

Она вернулась в автобус, в настоящее время, только когда какой-то старик, севший рядом с ней, ухватил ее за предплечье: «Если Муссолини не смог избавиться от императора, то что о себе возомнили эти студенты?» Хирут отрицательно покачала головой. Она качает головой в настоящем времени. Она проделала такой долгий путь, чтобы вернуть эту коробку, чтобы избавиться от ужаса, непрошено возвращающего ее назад. Она приехала, чтобы отдать этих призраков, прогнать их. У нее нет времени на вопросы. Нет времени поправлять произношение старика. Одно имя всегда тащит за собой другое, ничто не путешествует в одиночку.

Снаружи через пыльное окно вокзала в Аддис-Абебе пробивается, словно кулак, луч солнечного света. Он обволакивает ее голову теплом, поднимает ее на ноги. В помещение проникает ветерок. Хирут поднимает взгляд и видит входящую внутрь молодую женщину, одетую на манер *фхеренджи*⁷. В руке у женщины выдавший виды чемодан. За ней поднимается город. Хирут видит длинную грунтовую дорогу, которая ведет назад – в центр города. Она видит трех женщин, несущих на головах связки дров. Там, сразу же за развязкой, идет процессия священников, а в 1941 году там шли воины,

---

⁷ «Иноземный», «чужестранный» в ряде африканских языков.

и она была одной из них. Плоская металлическая коробка длиной с предплечье холодит ее колени, тяжело, словно умирающее тело, лежит на ее животе. Она слегка меняет положение, проводит пальцами по кромкам металла, жестким и заостренным, притупившимся от времени.

Где-то в одной из щелей этого города уже два дня ждет встречи с ней Этторе. Он сидит за своим столом в тусклом свете маленького кабинета, сгорбился над одной из своих фотографий. Или сидит на стуле, в том же свете, что заливает ее ноги, смотрит в сторону своей Италии. Он считает время, они оба с нетерпением ждут назначенного дня. Хирут смотрит на залитый солнцем городской пейзаж, проникающий внутрь через распахивающиеся двери. Когда двери начинают закрываться, она затаивает дыхание. Аддис-Абеба сужается до размеров щели и исчезает из зала. Этторе горбится и погружается в темноту. Когда двери закрываются наконец полностью, она снова остается одна, сжимая коробку в этом гулком зале.

Она ощущает первые нити знакомого страха. Я Хирут, напоминает она себе, дочь Гетеи и Фасила, родилась в благословенный год урожая, возлюбленная жена и любящая мать, солдат. Она вздыхает. Таким долгим был ее путь сюда. Он занял почти сорок лет иной жизни, прежде чем она начала вспоминать, кем была когда-то. Путешествие в прошлое началось вот так: с письма – первого письма в ее жизни.

Сара⁸ Хирут, мне сообщают, что я наконец-то нашел тебя. Мне сказали, что ты замужем и живешь в одном из таких мест, которые слишком малы, чтобы их обозначали на карте. Этот посланник говорит, что знает твою деревню. Он говорит, что доставит это письмо тебе и привезет мне послание от тебя. Прошу тебя, приезжай в Аддису. Скорее. Тут волнения, и все иностранцы должны уехать. Мне некуда уезжать – только в Италию. Сообщи мне, когда встретишь тебя на вокзале. Будь осторожна, они восстали против императора. Пожалуйста, приезжай. Привези икатулку. Этторе.

Дата стоит не по эфиопскому летоисчислению, а на манер *ференджи*: 15 апреля 1974 года.

Дверь открывается снова, и на сей раз появляется один из солдат, которых она видела по пути в этот город. Молодой человек, на плечах которого в зал проникает городской шум. Новая винтовка небрежно висит у него сзади. Форма на нем без пятнышка, нигде не порванная. На ней нет грязи, и она ему впору. Глаза у него слишком любознательные – выдают то, что на его руках никогда не умирал товарищ по оружию, движения у него слишком резкие – говорят о том, что он никогда не знал настоящей усталости.

«Земли фермерам! Революционная Эфиопия!» – кричит он, и воздух покидает помещение вокзала. Он с детской уг-

---

⁸ Дорогая (*ит.*).

ловатостью поднимает винтовку, осознавая, что все взгляды устремлены на него. Он показывает на фотографию Хайле Селассие над входом. «Долой императора!» – кричит он, размахивая своей винтовкой чуть не во всю ширь испуганного вокзала.

Зал ожидания переполнен людьми, которые хотят покинуть взбунтовавшийся город. Они набирают воздуха в легкие и подаются подальше от мальчика в форме, торопящегося стать мужчиной. Хирут смотрит на фотографию с изображением императора Хайле Селассие: благородный, с тонкими чертами человек смотрит в камеру, мрачный и величественный в своей военной форме и медалях. Солдат тоже смотрит на фотографию, делать ему нечего, только слышать эхо собственного голоса. Он неловко меняет позу, потом разворачивается и бежит в дверь из здания вокзала.

Мертвецы пульсируют под крышкой. До этого они начинали бунтовать, но отступали под напором ее ярости, уступая место стыду, который до сего времени парализует ее. Она теперь слышит, как они говорят ей то, что она знает и без них:

Настоящий император этой страны находится на своей ферме, обрабатывает крохотный клочок земли рядом с ее участком. Он никогда не надевал корону, живет один и не имеет врагов. Он тихий человек, который когда-то вел народ против стальных чудовищ, а она была его самым надежным солдатом: гордым воином Царской Тени. Скажи им, Хирут.

Другого случая тебе не представится.

Она слышит, что мертвецы все громче возвышают голоса: Нас должны выслушать. Нас должны помнить. Нас должны знать. Мы не упокоимся, пока нас не оплачут.

* * *

Она открывает шкатулку.

Внутри две стопки фотографий, обе связаны одинаковой тонкой синей тесьмой. На одной стопке он своим характерным почерком отдельными буквами написал ее имя, буквы разлетелись по бумаге, в которую завернута стопка, а поверх бумаги, чтобы не развернулась, намотана тесемка. Хирут развязывает ее, и две фотографии выпадают – они слиплись от долгого лежания. На одной французский фотограф, который бродил по северным нагорьям, делал снимки, худой как щепка человек с большой камерой. На обороте фотографии надпись: Гондэр, 1935. Вот что мы знаем про этого человека: бывший армейский вербовщик из Алби, неудавшийся художник с неразборчивым голосом и маленькими голубыми глазами. Он играл незначительную роль, если память ее не обманывает. Но он в шкатулке, и он один из мертвецов, и он настаивает на своем праве быть известным. Мы скажем то, о чем не можем умолчать: Тут есть и фотография Хирут, снятая этим французом. Снимок сделан, когда он посещал дом Астер и Кидане и попросил разрешения сделать фото-

графию слуг, чтобы продать другим фотографам или выменять на катушку пленки у какой-нибудь студии. Она отворачивается от фотографии. Не хочет видеть себя. Она хочет захлопнуть крышку, запереть нас. Но фотография здесь, и эта молодая Хирут тоже отказывается тихо лежать в могиле.

Это Хирут. Это ее широко открытое лицо и любознательный взгляд. У нее высокий лоб, как у матери, и искривленный рот, как у отца. Ее яркие глаза внимательны, но спокойны, они ловят свет в золотые призмы. Она стоит спиной к дереву, хорошенькая девушка со сложенными на груди тонкими руками. Поза у нее настороженная, странным образом напряженная, в ней не чувствуется того врожденного изящества, о котором она много лет не будет даже догадываться. Она смотрит в объектив и старается не щуриться, ее лицо обращено к кусачему солнцу. Бросаются в глаза ее острые ключицы, из V-образного воротника ее платья вырастает чистая шея без единого шрама. Именно эта фотография сохранит безупречное пространство ее кожи на плечах и спине. Не осталось иного способа вспомнить безукоризненное тело, которое она носила когда-то с беспечностью ребенка. И посмотрите-ка: на заднем плане Астер – так далеко, что толком и не разглядеть, – остановилась посмотреть, изящная линия, прорезанная в свете.

Книга первая. Вторжение

Глава 1

1935

Хирут слышит, что Астер зовет ее, кричит голосом, грозящим сорваться от напряжения. Хирут отрывает взгляд от медленно горящего в углу двора костра, которому она не даст погаснуть. Она сидит, сгорбившись, на табуретке рядом с горкой лука, ждущего, когда его очистят. Кухарка в кухне, за Хирут, нарезает мясо к вечерней еде. Астер, наверное, уже пьет кофе в постели, завернувшись в мягкое одеяло, а может, смотрит в окно на свои цветочки. Ожидалось, что сегодняшнее утро будет тихим. Хирут напрягается – ей неприятно это вторжение. Астер снова выкрикивает имя Хирут и теперь делает это так громко, с таким напряжением, что кухарка приостанавливает быструю нарезку, смолкают утренние птицы, и даже большое дерево рядом с каменной оградой, кажется, ловит ветерок, чтобы прийти в равновесие. На несколько мгновений все замирает.

Что я сделала? Хирут чувствует, как дрожат ее руки.

Кухарка испуганно выглядывает из кухонной двери: она в нашей комнате. Она показывает на помещение для прислуги. Что она там делает? Эй, ну-ка, быстро, поднимайся.

Хирут бросает прут, которым она ворошила угли, и встает. У нее появляется мысль: Астер в помещении для прислуги. Она в той комнатенке, которую Хирут делит с кухаркой, в том месте, куда они отправляются по вечерам, где можно сбросить с себя свою полезность и предаться сну. Эта комната отделена от многокомнатного дома, где Астер живет со своим мужем – Кидане. Это пространство, которое и не пространство вовсе, комната, которая меньше всякой комнаты. Темная полость, высеченная в бесконечных усталых ночах. Она не предназначена для того, чтобы ее видели при свете дня. Она не предназначена для таких людей, как Астер.

Она там? спрашивает Хирут.

Прежде Астер никогда туда не заходила. Женщина постарше высовывается из двери, упираясь обеими руками в косяки, она вытягивается, чтобы увидеть узкую тропинку, которая ведет к помещению для слуг, она словно боится покинуть безопасность кухни. Кидане еще не вернулся?

Хирут отрицательно качает головой. Кидане взял лошадь и ускакал еще до рассвета.

Значит, мы одни, говорит кухарка. Она спорила с Кидане, когда я готовила ему еду.

Хирут хочет сказать кухарке, что вообще-то Астер в это время должна лежать в кровати. Она должна лежать неподвижно, чтобы облегчить боль месячных кровотечений. Им следует и дальше вести себя, как в обычный день, работать, пока тяжелый купол неба не повиснет над ними, притянутый

к земле грузом звезд.

Продолжай, продолжай. Кухарка отступает назад в кухню, но при этом внимательно смотрит на Хирут, бессильно держа нож в руке. Она не должна копаться в наших вещах, добавляет она. Она поправляет шарфик у себя на голове, заталкивает под него несколько выбившихся на лоб седых прядей.

Кухарка имеет в виду старую винтовку, которую отец Хирут отдал ей перед смертью. Винтовка, платье, в котором она пришла, маленькое ожерелье на ней – у Хирут в этом мире больше нет ничего своего.

Все спрятано, говорит она, потому что кухарка, кажется, слишком сильно нервничает.

Астер снова окликает ее, настойчивость сменяется несдерживаемой яростью.

Кухарка наклоняется, словно ее притягивает этот голос. Иди! кричит кухарка. И откликнись уже!

Хирут разворачивается на месте. Иду! Она бросается к помещению для прислуги.

Она останавливается у дверей помещения для прислуги и впервые видит, какую, в сущности, маленькую, какую грязную, сморщенную комнату она вот уже почти год называет своим домом. В полутьме тесной комнаты Астер, облаченная в красивое абиссинское платье-рубашку, кажется совершенно неподходящей, слишком большой фигурой для этого места, потому что оно вообще слишком мало для чего угодно. Оно меньше ящика, оно представляет собой лишенную воз-

духа нору, заполненную землей, соломой и экскрементами. Нормальной двери тут нет, как нет и окна со стеклом. Спят они на тощих матрасах, которые им приходится скручивать, чтобы можно было пройти. Лоскутами из старых, негодных одеял заделаны узкие щели, это тряпье пропитано пылью и темнотой. Это пространство предназначено для двоих человек, которые вынуждены посвящать свои жизни удобству одной женщины и ее мужа. Оно создано не для тех, кто привык к красивым одеждам и свежему ветерку, играющему шелковыми занавесями.

Где ты была? напускается на нее Астер. Ее короткие волосы пререзают идеальную дугу в полосе слабого солнца, пробивающегося в окно над ее головой. Равнодушный свет опыляет теплым сиянием ее гладкие щеки. Она стоит в том единственном месте, где солнце может проникнуть в комнату – через крохотную дыру размером не больше головы Хирут, проделанную в стене задним числом. Каждое утро кухарка поднимает один уголок драной занавески на гвоздь, чтобы проветрить комнату, и каждый вечер снимает этот уголок с гвоздя, чтобы закрыть дыру.

Где ожерелье? Отдай мне мое ожерелье.

Хирут смотрит на слабое пятно солнечного света, распростертое у ног Астер, и Хирут кажется, что само солнце подчиняется приказам этой женщины. Хирут стоит, опустив голову, пока Астер протискивается к ней.

Он все время пытается тебя защищать. Астер поднимает

матрас Хирут, потом роняет его, вытирает руки о подол платья, которое кажется слишком белым в сумеречной комнате. Она поднимает маленький ящик, в котором Хирут и кухарка держат свои немногие пожитки, и встряхивает его жалкое содержимое. Он сказал, что потерял его, но я знаю, оно здесь.

Астер роняет ящик, смотрит вниз, одной рукой разглаживает передок своего длинного абиссинского платья. Она изящная женщина с мягкой плотью там, где у Хирут углы да кости. Хотя она выше Хирут лишь ненамного, но на неровном земляном полу кажется крупной и внушительной.

Моя мать дала мне его перед свадьбой, чтобы я подарила его мужу. Я знаю, он не просто его потерял. Она прищурилась, глядя сверху вниз на Хирут. Он что-то скрывает.

Хирут втягивает голову в плечи, как научила ее кухарка. Она хочет сказать, что ее вины нет, если Астер ссорится с мужем – Кидане. Она не виновата, что муж Астер добр к ней, Хирут, она ничего не может поделать с тем, что Астер плачет из-за этого.

Я не знаю, где оно, говорит Хирут. Она знает, что в первые дни траура по их единственному сыну Астер выбросила много всяких вещей. Она сложила гору из своих лучших платьев, накидок и даже украшений и подожгла их, а потом, когда пламя начало пожирать ее вещи, колотила себя в грудь. Кухарка сказала, что некоторые из тех вещей Астер до сих пор продолжала искать, забыв, что сожгла их. Я его никогда не видела, добавляет Хирут.

Значит, ты хочешь сказать, что Кидане выбросил его? Сказав это, она смеется. Или ты хочешь, чтобы я поверила, будто он отдал ожерелье тебе по доброй воле?

Кидане – один из тех, кого ее мать называла «брат» и «друг», а иногда даже говорила, Хирут, он мне как сын, хотя я не настолько уж старше его. Я ухаживала за ним, когда умерла его мать. Я носила его у себя на спине, когда сама была почти ребенок. Мы с ним вместе выросли. Это мужчина, который проявил ко мне доброту, и, если я умру, он позаботится о тебе. А поскольку ее мать так сильно его любила, Хирут после смерти родителей пришла в этот дом, уже заранее любя Кидане. Не ее вина, что он тоже любит ее, называет Маленькая, Сестренка и Рутийе⁹.

Ты знаешь, что мы делаем с ворами? спрашивает Астер. В полумраке комнаты трудно разглядеть красоту, которую она всегда горделиво выставляет напоказ: яркие глаза и округлые щеки, изящную шею, которая плавно переходит в плечи и никогда не знала сокрушительного веса кувшинов с водой и вязанок дров. Если я найду его здесь, то даже Кидане тебе ничем не поможет.

Хирут знает, как поступают с ворами. Она видела этих несчастных мальчиков и мужчин, умолявших о пощаде на базарных площадях, видела их тощие тела, уже лишенные ноги и руки, их глаза, еще широко распахнутые от шока жестокой потери. Горечь растекается у нее в горле.

---

⁹ Одно из значений этого слова на амхарском языке – «судьба».

Астер поднимает матрас Хирут. Потом она раскладывает его, развязывает веревку, которой Хирут прикручивает винтовку к матрасу. Кухарка сказала, что Астер заберет винтовку, если увидит, но Хирут даже не думала о том, что Астер может прийти сюда, в это место, предназначенное только для слуг. Она полагала, что есть места, куда Астер не заходит. У Хирут перехватывает дыхание при виде того, как веревка соскальзывает с матраса. Она так давно покинула дом, она почти забыла, что такое уходить, не спрашивая разрешения, что значит делать дела по необходимости, а не по приказу. Прежде она проводила дни на солнце, свободно проливавшем с неба свои лучи, которым не препятствовали грязные занавески или маленькие окна. Когда-то она была чем-то большим, чем прислугой. Когда-то она не боялась владеть тем, что принадлежит ей по праву.

Наконец Астер говорит, Что это? Она все еще стоит под окном, держит в руках одеяло и винтовку.

Приплывает волна вони, к которой Хирут никак не может привыкнуть. Она приходит из невысокой груды камней близ входа, где Кидане мальчишкой учился забивать овец для особых случаев. Под этими камнями есть небольшая, неглубокая канава, куда стекала кровь. Вот что ты чувствуешь, сказала ей кухарка, когда Хирут только появилась в доме. Это кровь гниет, ничего, ты привыкнешь. Но она по-прежнему чувствует вонь натекающей крови, беспомощных животных, действующих в паре инстинкта и страха, мочи и экскре-

ментов, напивавших землю.

Чья это винтовка?

Моя, говорит Хирут.

Эта винтовка была самым ценным владением отца Хирут. Она не вмещалась в маленький ящик, а потому Хирут обложила ее соломой и одеялами, которыми пользуется, как матрасом, укрыла большим куском полотна, который она связывает по углам для вящей надежности. По ночам, когда она изнемогает от усталости, она спит так, чтобы чувствовать боком винтовку, и уговаривает себя, будто это рука ее матери.

Астер подносит винтовку к свету. Старинная, говорит она. Она проводит пальцем по пяти канавкам, отметинам, которые, по словам отца Хирут, помогали ему считать число убитых им итальянцев. Ты знаешь, как ею пользоваться? Отец тебя научил? Она прикидывает винтовку на вес, проверяет балансировку. Мой отец научил меня точно так же, как научил моих братьев. Она прижимает приклад к плечу, одной рукой поддерживает ствол. Где ты ее взяла?

Дома, отвечает Хирут.

Дом: ровно в пяти километрах от этого места, которое называется также жилищем Астер и Кидане. Пять километров: Хирут оценит это расстояние только потом, когда поймет, что все вещи, даже потерянные, могут быть описаны на бумаге и измерены. А теперь, стоя на пороге своей крохотной комнатки и глядя на Астер, она понимает, что, даже если бы могла сейчас припустить назад быстрым бегом, это не умень-

шило бы расстояния, отделяющего ее от того клочка земли, где лежат кости ее родителей. Она далеко от дома.

Дома, повторяет она. Его дал мне отец.

И тут Хирут чувствует чью-то руку у себя на плече. Она поворачивается и видит Кидане, залитого ярким полуденным солнцем.

Что вы здесь делаете? Фигура Кидане заполняет дверной проем, блокируя свет. Тонкая струйка пота стекает по его шее, на белой рубашке образуется темное пятно. Низы его бриджей в пыли, к краю одной штанины прилепился листик. Что случилось?

Спроси у нее, куда она спрятала ожерелье.

Кидане вглядывается в лицо Хирут. Потом снова смотрит на жену. Откуда у тебя эта винтовка? Он удивлен. Кухаркина?

Нет, ее, говорит Астер. Потом она начинает кашлять, кривит нос. Тут воняет. Они не моются.

Верни. Это сказано тоном, которым Кидане говорит, когда не предполагает никаких возражений. Она не твоя.

Смех Астер пронзает воздух комнаты. Значит, ты позволяешь ей не подчиняться приказу императора? Твой вождь говорит, что это теперь принадлежит эфиопской армии.

Кидане оттирает шею платком, который потом возвращает в карман. Он стряхивает пыль с бриджей. Он, кажется, думает. Потом он говорит: Маленькая, можно я посмотрю?

Он дожидается, когда Хирут кивнет, после чего берет вин-

товку у Астер. Он держит ее двумя руками. Он прижимает ее к плечу, как это делала и Астер, как это делал и отец Хирут, когда показывал ей, как обращаться с винтовкой.

Это Вуджигра, говорит он. У моего отца была такая во время сражения под Адуа, когда мы впервые столкнулись с этими итальянцами¹⁰. Ей не меньше сорока лет, а может быть, и все пятьдесят. Он поднимает винтовку повыше, заглядывает в ствол, наводит ее на дверной проем, на двор, словно может видеть то, что дальше – за стенами, за воротами, старый дом Хирут, отделенный от них многими километрами. У тебя есть патроны?

Хирут запомнила содержимое ящика, разбросанное теперь вокруг ног Астер: запасной шарфик кухарки, в который завернуты три Талера Марии Терезии и две голубых пуговицы, платье Хирут, в котором она пришла сюда и из которого теперь выросла, кусочек угля, которым она рисует, принадлежащая кухарке разбитая керамическая тарелка с розовыми цветочками, поцарапанная ручка от кувшина для воды, тоже кухаркина, и патрон, принадлежащий Хирут.

Где патроны? Кидане опускает винтовку. Сколько у нее патронов?

Есть только один-единственный. К этой винтовке и всегда был один-единственный патрон: он принадлежит винтовке, а винтовка принадлежит Хирут. Отец заставил ее пообещать,

---

¹⁰ Речь идет о Первой итало-эфиопской войне (1895–1896), в которой Италия потерпела сокрушительное поражение.

что винтовка и патрон всегда будут храниться отдельно, пока ей не будет угрожать серьезная опасность, а тогда, дитя мое, ты возьмешь винтовку так, как я тебя научил, прицелишься ею прямо в сердце, как я тебе показывал, и единственное, чего ты должна бояться, – это как бы твой враг не остался жив.

Я даже не знала, что у нее есть винтовка. Астер упирает руки в бока, и Хирут в полутьме видит, что у Астер дрожит подбородок, в ее устремленном на Кидане взгляде сквозит то нежность, то беспокойство. Что ты с ней делала?

Не сейчас. Кидане говорит остерегающим шепотом. Маленькая. Он откашливается. Эта винтовка важна для меня. Ты знаешь, что приближается война?

Война – ни о чем другом кухарка и слуги, встречающиеся на рынке, и не говорят. Они собираются, перешептываются о выпущенных рабах¹¹ и освобождении, которое несет армия *ференджи*. Она отрицательно качает головой.

Она лжет, говорит Астер. Посмотри. Она протягивает листок бумаги.

Это одна из листовок, которые повсюду разбросаны на рынке. Она не знала, что у кухарки есть этот листик. Не знала, что кухарка прячет эту бумажку. Не знала, что содержание этого листика вынуждает кухарку прятать его.

Это было в одеяле кухарки. Их итальянцы раскидывали с

---

¹¹ Рабство в Эфиопии существовало с глубокой древности и официально было отменено императором Хайле Селассие только в 1942 году.

самолетов. Я слышала про них. В них говорится, что люди будут свободны, если перейдут на сторону *френджи*.

Кидане берет бумажку, поворачивается к свету. На обратной стороне виден кривой рисунок. Худой нищий в цепях стоит на коленях перед большеголовым человеком в короне. А внизу под колонкой слов тот же нищий уже стоит в полный рост, его цепи сброшены, разбитая императорская корона лежит у его ног. Теперь нищий, у которого появилось небольшое брюшко, машет солдату, его рука неуклюже поднята, на лице торжествующая улыбка.

Эти итальянцы, прежде чем попытаться захватить нашу страну, хотят устроить здесь бунт, говорит Астер. Муссолини хочет, чтобы эти люди вступили в его армию.

Но они не умеют читать. Кидане переводит взгляд с листа бумаги на винтовку и назад.

Рисунки они понимают. Астер отшвыривает в сторону одеяло кухарки и снова принимается искать – перетряхивает матрас. Вокруг нее поднимаются облака пыли. Ну а что ты скажешь на это?

Хирутийе, говорит Кидане. Мне нужна эта винтовка. Мы отправляемся на войну, и нам нужно все оружие, какое можно найти. У этих итальянцев оружия гораздо больше, чем у нас. Он смотрит на нее своими добрыми глазами, просит ее так, что ей хватает мужества сказать:

Мне ее дал отец. Он сказал, что я всегда должна держать ее рядом с собой.

Если мы не соберем все имеющееся в стране оружие, то мы проиграем войну прежде, чем она начнется, говорит Кидане. Он не ослабляет хватки, не отдает ей винтовку, продолжает крепко ее держать обеими руками. Сам император сказал всем людям, чтобы они поделились своим оружием. Он сказал это по радио. Будь твой отец жив, он бы и сам отдал винтовку.

Нет. Она моя. Она заглядывала в его глаза прежде: там, где раньше она видела доброту, теперь новые для нее твердость, укор, прикрытый чем-то непонятным ей. Но Хирут думает об одном: о том дне, когда отец отдал ей винтовку – он тогда потел уже, его пробирала дрожь, щеки неестественно впали. Она никому не отдаст эту винтовку.

Ты получишь ее назад. Я тебе обещаю, говорит Кидане. Он снова добр, мягок.

Перестань разговаривать с ней, будто она способна рассуждать, говорит Астер и тянется к винтовке. Просто возьми ее.

Она ребенок. Кидане отводит винтовку в сторону.

Ребенок. Астер замирает. Ребенок. Она подается к Кидане. Ты думаешь, я не понимаю, что ты привел ее сюда ровно год спустя после смерти нашего сына? Говорит она тихим голосом, но с такой горечью, что Кидане делает шаг назад.

Он опирается рукой о дверную раму и медленно произносит: Ее родители умерли. Я дал обещание Гетеи, она была мне как сестра.

Астер смотрит на свои руки, она колеблется, что случается с ней редко. Она появилась ровно год спустя после смерти Тесфайе, говорит Астер. Она поднимает голову, повторяет сказанное с большей уверенностью. Ты привез ее сюда, когда кончился траур. Так, чтобы ты мог делать, что тебе нравится, не порождая сплетен.

Она пришла сюда в день их похорон. Ей больше некуда было идти. Кидане делает глубокий вдох, словно желая успокоиться.

Ты привез ее сюда, чтобы оскорбить меня. Астер молниеносно кладет руку себе на живот, потом роняет ее. Ты привез ее сюда, чтобы попытаться указать мне мое место.

На их лицах одинаково мрачное выражение, словно они уже спорили вот так раньше, словно оба устали, но ничего не могут с собой поделать.

Ожерелья здесь нет, говорит наконец Кидане. Я его давным-давно потерял. Я тебе говорил.

И она уже больше не ребенок. Подумай о том, что ты знал про меня, когда я была в ее возрасте.

Кидане смотрит на жену, его рот кривится в нерешительном обрамлении лица. Он говорит тихо, так тихо, что Хирут думает, кроме нее, никто не может слышать его слов: Она дочь Гетеи. После этого он выходит из комнаты с ее винтовкой, и Астер, проводив мужа одним долгим взглядом, идет следом.

Они оба были здесь? Кухарка прислоняется к стене и оття-

гивает воротник своего поношенного платья. По ее щеке стекают капельки пота. Она проводит обратной стороной ладони по подбородку и груди. Перестань смотреть на меня так, бормочет она.

Хирут сидит в центре комнаты, обхватив колени руками. Лицо она прячет в пространстве согнутых рук.

Она опять искала свое ожерелье? спрашивает кухарка. Теперь она стоит над Хирут, ее ноги широко расставлены, и Хирут не нужно смотреть вверх, она и без того знает, что кухарка стоит, уперев руки в бока и выставив подбородок. Она выравнивает ящик, потом замирает у своего развороченного матраса. Что они тут делали?

Хирут поднимает голову. Видит над собой округлое лицо кухарки.

Рот кухарки начинает дрожать. Почему тут все перевернуто вверх дном? Она широко раскидывает руки, медленно, ошеломленно разворачивается. Она опускается на колени и запускает руки в соломенную набивку матраса, начинает медленно вытаскивать ее, разбрасывает комки. Нет, говорит она.

Хирут непонимающим взглядом смотрит на нее, ей на ум приходит птица, которую она как-то раз видела: старая и жирная, птица упала с дерева уже мертвой.

Почему ты меня не позвала? Пустой матрас кухарки лежит на ее коленях. Моя листовка. Ее начинает клонить в одну сторону, потом она, наконец, выравнивается. Ты позво-

лила им взять ее. Ты думаешь только о себе, да?

Хирут поворачивается к ней и видит ее сжатые челюсти, напряженную спину. Она не может понять, о чем говорит кухарка. Ты легко можешь найти другую. Она слышит, как горечь закрадывается в ее голос. Он взял мою винтовку.

Для тебя все так просто, правда? говорит кухарка.

Обе сидят в тишине, оглядывают разгромленную комнату. Над головой кухарки колеблющийся луч света пронзает плавучую пыль. У ее ног не собирается лужица света, как это было с Астер. Солнечные лучи не сверкают на ее плечах, не купают ее в золотом свете, как это было с Кидане. Она кухарка – квадратная и толстая, в своем унылом платье и в том же грязном шарфе, стоит в комнате, которая вмещает все ее пожитки.

Я была моложе тебя, когда оказалась здесь. Кухарка говорит это таким тихим голосом, что Хирут приходится податься к ней, чтобы слышать. Моего отца убили эти люди, которые пришли, чтобы похитить нас для работы в богатых домах. Я это видела. Она говорит с тихим надрывом. Ты думаешь, что ты лучше. Она делает паузу. Но я сильнее.

Я так не думаю, говорит Хирут тихим голосом.

Я слишком полезна. Кухарка кладет руки на живот и сутулится. Она потерялась в своих мыслях, продолжает шептать тоном, который скребет ее грудь. Я не всегда была такой. Посмотри на меня. Она вытягивает руки, как крылья, поднимает подбородок.

Хирут смотрит на руки кухарки, на кости, невидимые под всей этой плотью, ожоги, пятнающие ее кожу, она знает, что шершавые на ощупь мозоли испещрили ладони кухарки. Сегодня ее короткие ногти пожелтели от куркумы, а на тыльной стороне запястья сверкающее, как свежая кровь, пятнышко авазе – пасты из красного перца. Она проснулась до рассвета, чтобы собрать еду для Кидане, который отправлялся по деревням рекрутировать жителей в свое войско. Она возилась допоздна, готовила еду и наполняла водой кувшины. Она нередко просыпается первой и последней ложится спать, работает с настойчивостью и усердием, в которых Хирут никогда не сомневалась. Она никогда не думала, что кухарка может быть какой-то другой, а не такой, как сейчас.

Ты даже не думаешь о том, что прежде у меня была семья. Кухарка читает ее мысли. Ты думаешь, я родилась с этими шрамами.

Она никогда не слышала, чтобы кухарка говорила о той жизни, что она вела до этой.

Некоторых из нас доставляли силой, добавляет кухарка. Эта война поможет нам вернуться. Берхе и я могли бы уйти домой. Но теперь... Она замолкает. Они знают всё.

Берхе сказал, что я могу уйти, когда хочу.

Смех кухарки звучит коротко и печально. То же самое он говорил мне, когда мы приехали сюда.

Эту винтовку дал мне отец. Хирут поворачивается к стене, смаргивает слезы.

Кухарка соскальзывает на землю и садится рядом с ней. В долгом молчании одиночество протягивается между ними и сближает их.

Ты не видела Берхе, когда он был мальчиком, говорит наконец кухарка. Он был такой гордый, такой сильный. Она грызет ногти. Они тащили его отца по земле, привязав к коню, но отец все равно не сдался. Он отказался отдать им свою землю, и тогда они забрали ее вместе с его сыном.

Хирут вспоминает отцовские истории о войне с итальянцами, которые тогда потерпели поражение, а теперь хотят вернуться. Эти *фхеренджи*?

В этой стране всегда обитал дьявол, чтобы мучить людей вроде меня. Кухарка замолкает и устремляет взгляд на дверь, в сторону двора. В тот день, когда появилась ты, Астер сожгла свои одежды. Она и цветы в саду сожгла.

Хирут кивает. Она помнит голый двор, обгоревшие кусты и траву. А теперь она вспоминает кое-что еще: в день ее появления Астер встретила ее на веранде, облаченная в черное.

Выстави ее из моего дома, сказала она Берхе.

Это дочка Гетеи и Фасила, сказал Берхе. Она похоронила их обоих сегодня, у нее не осталось никого, ее привез Кидане.

И Астер поднесла к лицу дрожащую руку. Берхе, сказала она, вот, значит, как он собирается это сделать?

Кидане не знал, что делать, добавляет кухарка. Смерть их маленького мальчика сломала его, ты бы не поверила, если

бы увидела его. Потом появилась ты, и что-то изменилось. Кухарка ногой выталкивает за дверь прут. Астер можно во многом винить, но не вини ее во всем.

Глава 2

Хирут, убирая в доме, каждый день ищет свою винтовку. Она заходит в гостиную, поднимает диван. Перетряхивает занавеси и ковры, сдвигает радиоприемник то в одну, то в другую сторону. Она проводит плоской ладонью под столешницей, передвигает каждый из четырех стульев, заглядывает под сиденье. Она просит кухарку помочь ей поднять мешки с абиссинской травой, чтобы проверить их вес, постучать по боковине пластиковой кадки со смесью ынджеры¹². Она заглядывает в мешок с картошкой, в мешок с чечевицей. Она прочесывает розовые кусты во дворе, стога сена близ конюшни. Она разбирает, потом складывает обратно аккуратную поленицу Берхе у конюшни. Заглядывает в колодец рядом с компаундом. Она залезает под веранду. Она перекладывает все шарфики и платья Астер в ее шкафу. Хотя вход в кабинет Кидане ей запрещен, она проскальзывает туда, когда он уезжает на свои собрания в связи с предстоящей войной, и просматривает там все. Она убирает тщательно и усердно, и вскоре все комнаты сверкают, все серебро и медь блестят, как медленно горящий огонь.

Астер все больше нервничает и приглядывает за ней внимательным глазом. Кидане встает и выходит из комнаты каждый раз, когда появляется она. Каждый вечер кухарка го-

---

¹² Блюдо эфиопской кухни, основная пища местного населения.

ворит: Но ты уже вычистила эти комнаты, хватит уже. Она говорит: Они отдали винтовку одному из рекрутов Кидане. Она говорит: Берхе, заставь ее прекратить. Но Берхе с выражением бесконечной печали на морщинистом лице потихоньку следует за ней, когда она перепроверяет затоптанные тропинки за пределами компаунда. Потом, в один из дней, несколько недель спустя, он останавливает ее у ворот, обнимает и шепчет в ухо: То, что потеряно, потеряно, мое дитя, то, что потеряно, освобождает место для чего-то другого. Но она моет, и стирает пыль, и полирует снова и снова, будто в первый раз, и с каждым новым днем страх нарастает:

Винтовка исчезла. Ее словно и не было никогда. Словно кроме жизни в этом доме, она ничего другого никогда не знала, словно она никогда не была ничем иным – только вот этой никем не любимой девочкой. Вскоре ей придется признать, что винтовки нигде нет. Она упала в трещину, которая может проглатывать девочек с такой же легкостью, с какой пожирает винтовки. Она чувствует, что исчезает, ощущает, как смягчаются ее кости, проскальзывают в ее кожу. Она просыпается, дрожа всем телом, убежденная, что чьи-то невидимые руки тащат ее куда-то, а она беззащитна без оружия, слишком слаба, чтобы воспротивиться врагу. Прости меня, аббаба¹³, говорит она каждую ночь. Она извиняется перед отцом, потом ждет, когда солнечный свет зажжет свой сердитый жар, в котором сгорит темнота.

---

¹³ Амхарское обращение к отцу.

Ожерелье Астер: в один прекрасный день она находит его – оно засунуто глубоко в верхний ящик письменного стола Кидане, этого деревянного стола с прекрасной резьбой, теперь почти всегда заваленного картами и газетами, а еще на столе портрет их сына, маленького Тесфайе. Хирут выдергивает руку из ящика, сжимает ожерелье в ладони. Это увесистое, массивное золотое распятие на великолепной цепочке, она держит его в трясущейся руке. Ожерелье выскальзывает из ее пальцев и со звоном падает на пол, как мешочек с монетами, и когда она с бьющимся сердцем спешит его поднять, ей слышится чье-то дыхание в комнате. Она поворачивается: перед ней два стула, развернутые к столу, на стене выцветшая фотография отца Кидане и еще одна – супружеской пары в молодые годы. На столе все та же кипа документов, а поверх них лежит фотография множества марширующих людей в абиссинской национальной одежде и фотография императора Хайле Селассие, который смотрит на нее обвиняющим взглядом. Все та же сабля стоит все в том же своем углу. Ничто не сдвинулось с места, но Хирут кажется, будто стены разъезжаются и к ней тянется рука, готовая выхватить ожерелье, а потому она сжимает пальцы еще сильнее и бросается наутек.

Она закапывает его у конюшни в ямке, которую вырыла под поленницей Берхе. Она продолжает уборку. Она продолжает поиски винтовки. Хирут живет, понимая, что за ней наблюдают, следят, что она представляет собой любопытное

зрелище в доме, который весь сияет от ее усердного труда. И только по ночам позволяет она переменам взять свое, позволяет своему сердцу наливаться радостью, разрешает себе улыбаться. Она тихонько поглаживает место рядом с собой – там раньше лежала винтовка, потом она закрывает глаза, и ей видится девочка, стоящая на вершине горы: девочка смотрит на поверженных врагов, победно держа в руке свою винтовку.

И теперь уже не страшно, совершенно не страшно взять еще раз и продолжить брать. Вот что она берет: желтую бусину, лоскуток красного шелка, золотую декоративную кисточку, пять резиновых полосок, шесть талеров, сломанный карандаш, ржавый карманный ножик, порванный зонтик, подкову, маленький камушек янтаря, ручное зеркальце, ладанку, изящную кофейную чашечку с золотой каемкой, штемпельную подушечку, сломанный компас, сложенную карту, миниатюрную Библию в кожаном переплете, два закрытых медальона, деревянный крест размером с ладонь, зеленый шерстяной шарф, сегмент изящной золотой цепочки, переливающийся голубой камень, кусочек мыльного камня, ножик для разрезания писем с серебряной рукояткой, винный бокал, шесть спичечных коробков, две раздавленные сигареты, пустую таблетницу, кожаный браслет, часы без браслета, мухобойку из конского волоса, складной веер, стопку проштемпелеванных документов, два сложенных конверта, деревянный нательный крест, кожаный нательный крест, две

серебряные цепочки, клочок черного бархата, бракованную катушку с хлопковой нитью, клубок зеленой пряжи, погнутую миниатюрную рамку, бусы, кожаную сумку, стеклянную чайную чашку, ложку с золоченым черенком, картинку размером с ладонь, изображающую Иезуса Крестоса, детский браслет, пенсне, ножные браслеты, одну золотую сережку, черный шарф с золотой вышивкой, бинокль, одноцветный черный шарф, пару золотых сережек с рубинами, браслет под стать сережкам и великолепное кольцо с рубином.

Темной ночью она закапывает все это в ту же ямку, где лежит ожерелье, бесшумно разобрав поленницу, а потом воссоздав ее точно в прежнем виде. Она осторожна, она наслаждается радостью владения, неожиданная легкость кражи делает ее смелой. Она больше не боится задержаться у радиоприемника, когда Кидане слушает сообщения и речи на языке, который, как она вскоре понимает, называется французским. Она задерживается в коридоре, когда он в своем кабинете разговаривает с Астер. Она слышит новые слова: Лига Наций, Муссолини, Британия, маузер, артиллерия, пароходы. Она слышит, как он командует женой так, словно та прислуга: приготовить припасы, запасти воду на три дня, не тратить время на шарфики, пусть вяжут другие женщины, сказать им, чтобы были готовы, – уже скоро. Хирут отбрасывает лишние подробности, прислушиваясь, не прозвучит ли название винтовки, принадлежавшей прежде ее отцу, а потом и ей: Вуджигра.

Глава 3

Вуджигра: известная также как винтовка Гра. Страна изготовления – Франция. Со скользящим затвором, одиннадцатимиллиметровая, однозарядная, для стабильно прицельной стрельбы наповал, надежное оружие, которое не боится ни холода, ни дождя и обеспечивает высокую скорострельность. Посмотри, Хирут, как я это делаю, сиди спокойно и слушай внимательно. Ее отец открывает камору и заводит туда патрон. Делает он это, отводя назад небольшой рычажок, расположенный на одной стороне ствола. Хирут смотрит на рычажок. Он блестящий и гладкий, серебряный шарик, круглый, как полная луна. Видишь это? Он поднимает правую руку. Все настоящие солдаты действуют именно этой рукой. Хирут сжимает в кулак левую руку. Ей удобнее всего пользоваться именно ею. Мать начинает привязывать эту ее руку к телу. Она смотрит и видит: отец прав, рычажок на Вуджигре не приспособлен для леворуких бойцов. Значит, когда она станет солдатом, думает она в тот день с отцом, ей придется стрелять правой рукой, которая противится, когда Хирут пытается что-то ею делать.левой рукой, говорит ее мать, пользуется дьявол. Этой рукой пользуются воры, а ты не *лейба*. Этой рукой пользуются, когда делают что-то такое, что не должны видеть другие, Хирут. Нельзя есть левой рукой. Этой рукой нельзя ничего делать, кроме самых

тайных вещей. Хирут слишком мала для тайн, она слишком мала, чтобы понимать, что существуют вещи, которые должны оставаться недоступными знанию.

Ее отец поднимает винтовку, прижимает ее приклад к мускулам между плечом и верхней частью груди. Ты упираешь его сюда, говорит он, точно в то место, куда скатывается твоя голова, когда ты засыпаешь на мне. Он улыбается. Он правой рукой отводит рычажок назад. Это открывает казенник, говорит он. Она видит внутри канавку в форме колыбели, покрытую пятнами времени. Сюда устанавливается патрон. Отец держит патрон двумя пальцами. Когда ствол открыт, говорит он, ты вставляешь туда патрон, вот в эту камору. Он сдвигает рычажок и запирает казенник. Потом он поднимает винтовку, и голос его меняется. Становится низким и чуть подрагивает, когда он говорит ей. Ты смотришь вот сюда, пока не увидишь врага. Он ударяет пальцем по маленькому металлическому штырьку на конце ствола. Потом переводит палец к прикладу, где для него находится удобное место. Это спусковой крючок, Хирут. Голос у него изменился. Перестал быть похожим на голос ее отца. Когда он смотрит на нее, он словно и не смотрит на нее. Его лицо сморщивается вокруг глаз, и она видит, что он пытается скрыть это, прищуриваясь. Ты не прикасаешься к нему, говорит он, пока не будешь готова. Готова к чему? спрашивает она. Он возвращает патрон в карман. Готова к тому, чтобы стать чем-то, что не есть ты.

Глава 4

Кидане продолжает передвигать одну и ту же кипу документов с одного конца стола на другой. Он бормочет что-то невнятное, протирая глаза, внимательнее вглядываясь в карту, а Хирут ждет у двери: он приказал ей принести шерстяные шарфы и плотную накидку, и она теперь держит их в руках. У нее за спиной дальше по коридору Астер плачет в их спальне и зовет кухарку, целые слова разлетаются на неразборчивые звуки. Сегодня вторая годовщина смерти их сына, а это означает, что уже прошел год со дня появления здесь Хирут и три месяца со дня исчезновения винтовки. Хирут по привычке нервозно оглядывает кабинет, чтобы убедиться, что Вуджигры здесь нет.

Кидане, иди сюда. Голос Астер низким гулом ударяется о стены.

Кидане швыряет карту на стол. Нардос не увела ее в церковь? спрашивает он. Он трет лоб, и тонкая линия его рта становится еще тоньше. Прямо как в день нашей женитьбы, добавляет он. Она считает, что это способ добиться своего — плакать вот так.

Он склоняется над бумагами под грузом голоса жены. Под коротко стриженными волосами, украшающими его шею, на линии воротника набухла крупная вена.

Могу я положить это куда-нибудь? спрашивает Хирут, по-

водя плечами, чтобы ослабить напряжение.

Подожди-ка.

Кидане снова поднимает карту и продолжает ее разглядывать. Сумеречный свет керосиновой лампы проникает через полупрозрачную бумагу. Тонкие линии карты пересекаются и соединяются, потом резко останавливаются перед сверкающим голубым лоскутом, который цепляется к границе, отделяющей сушу от моря. Вот Кения, контуры которой напоминают лицо царицы. Заостренная корона Эфиопии омывается Красным морем. А ниже Аденский залив. Индийский океан. Хирут подается вперед, прищуривается, чтобы лучше видеть. Кидане в своей руке держит целые страны, длинный ноготь его мизинца врезается в песок Сахары. Она знает, что где-то выше Эфиопии находится Египет, а неподалеку есть земля, которая называется Судан. Она узнала об этом за последние несколько месяцев, убираясь в кабинете без присмотра. Она по одной носила карты Берхе, который неохотно помогал ей различать разные формы, после того как она пообещала ему незаметно вернуть все на прежнее место.

Ты хочешь увидеть это? Кидане трясет бумагой, неожиданно пугая ее. Он бьет себя по лбу. Запомни эту землю, глядя на нее собственными глазами, говорит он. Картами пользуются *фхеренджи*. Мы знаем нашу страну. Он бросает карту на стол и бормочет что-то себе под нос. Они, готовясь к войне, используют бесполезные клочья бумаги, добавляет он.

Маленькая, положи одеяла там и сядь сюда, говорит он. Положи их на пол – он чистый, как тарелка. Улыбка удлиняет глубокие морщины вокруг его усталых глаз.

Хирут кладет то, что держит в руках, и смущенно становится напротив Кидане у стула с витиеватой резьбой.

В кабинет доносится голос Астер, непрерывный стон, сквозь который слышатся неразборчивые слова кухарки.

Он подмигивает ей. Я не скажу ей, что ты садились на этот стул.

Хирут садится. Дерево кажется мягким и податливым, оно словно принимает форму Хирут.

Ты думаешь, что за столько лет можно привыкнуть уже ко всему, что она делает, но вдруг оказывается – нет, не привык, говорит Кидане. Он становится серьезным. Мне все кажется, что я увижу его за углом. Ты сколько уже здесь? Он хмурится и переводит взгляд на газету. С того времени, как мы стали опасаться всего худшего от этих итальянцев. Он кивает сам себе. Ты такая маленькая, а уже потеряла обоих родителей – одного за другим. Его губы дрожат. Но посмотри-ка на себя, ты такая сильная.

Хирут недостает роста, чтобы чувствовать себя удобно на стуле. Она приподнимается, упираясь подошвами в крепкие ножки, собирается с силами. Если он продолжит говорить о ее родителях, ей придется выпустить их из крохотного уголка памяти, куда она их заперла, чтобы не плакать.

Астер не больна? спрашивает она.

Кидане показывает в сторону спальни. Она всегда слишком близко к сердцу принимала происходящее, вот в чем ее проблема. Он смотрит на Хирут. На этом стуле сидел мой отец. Он сделан не для девочек, правда? Ты такая маленькая.

Она сцепляет руки на коленях, потом переносит их на проступающие бицепсы, похлопывает ими по коже – она видела, что так делал Кидане.

Мне нужна твоя помощь, Хирут, говорит он, посерьезнев. Даже мне приходится покинуть мою землю. Всем моим фермерам сейчас придется взять свои сабли и винтовки, придется покинуть свои дома. Нам всем нужно внести свой вклад в грядущую войну.

За ним на стене остались бледные очертания его сабель и щита, висевших там прежде. Он снял фотографию, запечатлевшую его и Астер, когда они были моложе. Теперь на этом месте висит его фотография, где на руках у него Тесфайе, маленькое подобие отца, гордо держащего сына. На обоих великолепные блузы, ярко сверкающие на фоне черного задника.

Моя винтовка, говорит она. Могу я получить ее назад?

Кидане, помедлив, говорит: Мне нужно будет, чтобы ты делала то, что просит Астер. Как только мы будем готовы к походу, ты присоединишься к нам. Будешь заботиться о моих солдатах. Кухарка и Берхе стареют. Ты молодая и сильная. Он переводит взгляд с ее лица на ее шею. Иногда ты так похожа на свою мать, добавляет он. Она была мне как сестра.

Ты, вероятно, тоскуешь по ней.

Голос его слегка дрожит – нечто, раскрывающее его изнутри. Хирут, пользуясь этой его слабостью, отваживается попросить еще раз:

Пожалуйста, отдайте мне винтовку. Злость охватывает ее, и она прикусывает губу, чтобы не выпустить слезы из глаз. Они оставили мне эту винтовку.

Он откидывается на спинку стула, устремляет взгляд в потолок. Ты будешь помогать кухарке носить еду и воду. В прошлую войну этим занимались мои тетушки. Ты разве не хочешь помогать?

Астер снова зовет Кидане.

Кидане вздрагивает. Если Астер будет плохо себя чувствовать, ты должна будешь взять на себя ответственность за наше снабжение продуктами. Кухарка будет слишком занята другими делами. Он кладет руки поверх своих бумаг. Маленькая больше не такая уж и маленькая, тихо говорит он. Твоя мать гордилась бы тобой.

Знаешь, что мне сказала твоя мать, когда я видел ее в последний раз? Ты тогда была такой маленькой девочкой. И опять его глаза уходят с ее лица и задерживаются на шее, на точке, в которой, как она чувствует, от жары проступил пот.

Хирут подается вперед, не доверяя своему голосу. Кровь медленно приливает к ее щекам, сползает к груди, оседает в животе. Она пытается вообразить, как ее мать разговаривает с Кидане. Его она может представить таким, какой он есть,

плотным и целостным, а ее мать — это какая-то призрачная фигура, время стерло изящные черты ее лица.

Она сказала: «Позаботься о моей дочери». Кидане откашливается. Она хотела, чтобы я приглядывал за тобой. Она вверила тебя моим заботам.

Правда? Хирут жаждет услышать больше.

Правда, говорит Кидане. Он внимательно смотрит на нее.

Любовь ее матери, как сказал однажды отец, такова, что может развернуть реку и заставить ее притечь к ней. Твоя мать, сказал он, несет добро в мир. Поэтому Хирут встречает его взгляд, и время растягивается между ними, так продолжается, пока голос Астер не смешивается с ветром за окном. Невозможно, чтобы он любил ее мать так, как он говорит, и это никак не изменило его. Невозможно, чтобы ее мать любила его, как брата, и это никак не повлияло на него. Это значит, что он и ей как брат. Если она расскажет ему больше о ее винтовке, он наверняка вернет ее.

Мой отец очень хорошо относился к твоей матери. Ты знала об этом?

Хирут отрицательно мотает головой. Она смотрит на царапину у себя на костяшках пальцев, царапина пересекает ожог от брызг масла. Ее руки постепенно становятся похожи на руки кухарки.

Мой отец был добрым человеком. Голос Кидане дрожит.

В кабинет из коридора проникает кашель Астер. Это харающий звук, который словно вытаскивает себя из ее чрева

и заползает в угол кабинета, как раненое животное. Он длится, длится, не прекращается.

Он встает и направляется к двери. Останавливается, прислушивается, потом закрывает дверь.

Ты знаешь, что такое война, Маленькая? Он говорит, стоя к ней спиной, прижав лоб к двери. Ты знаешь, что значит ненавидеть? Он сутулится, подавленный надрывностью кашля Астер. Кашель скрипучий, мучительный, он мечется в ней, пока не переходит в горловой стон.

Никто не знает, что такое война, пока не поучаствует в ней. Но я думаю, ты будешь хорошим солдатом, каким был бы и Тесфайе.

Он поворачивается к ней, садится на угол стола. Кладет теплую руку на ее плечо, наклоняется к ее лицу. Голос Астер теперь превратился в свою тень, слабеющие звуки имени, на которые он не обращает внимания.

Она ждет еще каких-нибудь воспоминаний о матери.

Когда мне было столько, сколько тебе сейчас, твоя мать нередко говорила мне: Стой прямо, как солдат. Не плачь, братик, ты солдат. Она чувствует запах кофе в его дыхании – она сама подавала ему чашку недавно. Он наклоняется еще ближе к ней. Ты бы заботилась о Тесфайе, как твоя мать заботилась обо мне. Я бы заботился о тебе, как мой отец заботился о твоей матери.

Он выпрямляется и откашливается. Два года. Тесфайе. Потом он замолкает. Они прислушиваются.

Астер зовет Кидане; и дело не в манере речи, а в голосе — сердитом и жалобном, взволнованном и настойчивом, охрипшем от бесконечных повторов. Этот голос проносится по коридору, проникает в комнату. Он просачивается сквозь дерево, ударяется о стекло. Он лишает звук смысла, оставляет только груз, который повисает над их головами, отягощенный печалью.

Легче не становится, правда, Маленькая? Ты тоже знаешь. Но ты не плачешь? Я не вижу, чтобы ты печалилась, ты только работаешь, иногда слишком много работаешь.

Кидане поднимает голову Хирут под подбородок и целует ее в лоб. Вблизи она видит, как этот голос терзает его по нарастающей: нерв, подергивающийся под глазом, трясущаяся рука, дрожащие губы, которые он прижимает теперь к ее щекам, потом словно в поисках опоры опускается к ее шее. Он дышит, преклонив голову к изгибу ее шеи, он так близко, что ей приходится подаваться назад, и его дыхание увлажняет ее кожу, словно пар. За ними его имя голосом рассерженной женщины. За его плечом карты на стене. А когда она поворачивает голову к двери в поисках пути к бегству, то видит кухарку, пораженную и шокированную: ее рот открывается и закрывается вокруг беззвучного слова. А потом, когда он произносит ее имя, Хирут вынуждена посмотреть на него.

Кухарка откашливается и стучит в дверь.

Что такое? говорит он в удивлении, отпрянув.

Я ничего не могу с ней поделать, говорит кухарка, она

быстро произносит слова, стоит с опущенной головой. Она не перестанет звать вас, сегодня один из ее плохих дней.

Кидане соскальзывает со стола и выходит из комнаты, чуть задев кухарку. Когда Хирут встает и снова поворачивается к двери, кухарки уже нет. Она остается одна в кабинете, слышит, как набирают силу и спадают голоса Кидане и Астер, и впервые признает, что некоторые воспоминания следует огораживать другими, что люди, которые достаточно сильны, должны держать других на расстоянии. А когда она возвращается на кухню, чтобы помочь кухарке, первая нить горечи завязывается в ней, едкая, как гниль, такая слабая, что она предпочитает принять ее за отдаленный запах дыма.

Интерлюдия

Хайле Селассие тихо сидит в своем кабинете. Сегодня второе сентября 1935 года, и первые пряди ночи начали проникать в ткань дня. Он сидит на своем любимом стуле, обхватив себя за плечи, перед ним на столе стопка вскрытых телеграмм. Сообщения приходят все в том же духе: Эфиопия на грани конфликта, угрозы Италии становятся все истеричнее. Дожливый сезон закончился, и когда дороги подсохнут, по ним наверняка двинется оккупационная фашистская армия. Что намерен предпринять его величество? Необходимы припасы. Порт Массава заполняется итальянскими кораблями. Войска стягиваются к Асмаре, готовые двинуться к нашим границам.

Хайле Селассие потеет. Высокий потолок давит на него. Пол поднимается. Аддис-Абеба кипит, его народ собирается в церквях. Хайле Селассие должен молиться. Он должен быть со своим Советом. Он должен быть со своей семьей, но император может только одно: податься вперед на своем стуле и кивнуть адъютанту, давая распоряжение развернуть две только что поступившие катушки. Новости старые, но он хочет просмотреть их. Он хочет, чтобы их содержание захватило его. Он хочет сидеть в середине этой сужающейся комнаты и прокладывать путь навстречу войне, наступающей на него со скоростью и мощью локомотива.

Адъютант держит в каждой руке по круглому металлическому контейнеру. В одном по-английски, в другом по-итальянски ваше величество.

Император вперяет в него взгляд: он одет, *как ференджи*, костюм в тонкую полоску по индивидуальному пошиву. Его тонкие усики выровнены аккуратнейшим образом. Его глаза смотрят пронзительным взглядом человека, который не боится. Император вдруг понимает, что не помнит его имени, но он знает отца этого молодого человека и отца его отца тоже помнит. Он знает, из какой деревни происходит жена адъютанта, знает про тайную любовницу, которую тот содержит в Дэбрэ-Зэйте. И он знает, что во время просмотра молодой человек будет покорным, но при этом будет гореть желанием выйти за дверь и посплетничать.

Какую первой, ваше величество? снова спрашивает адъ-

ютант. Одна катушка из «Люче». Он называет итальянскую пропагандистскую новостную службу. Я могу перевести для вас любую.

Он слышит отзвук голоса своего старого наставника, отца Самюэля, цитирующего псалмы: десница Твоя найдет всех ненавидящих Тебя¹⁴. Ту, которая справа, говорит император. И выключи звук.

В катушках новости последних месяцев. Ни о чем новом они не расскажут: итальянские солдаты плывут к Эритрее. Муссолини заявил о своем праве колонизировать Эфиопию. Солдаты императора – всего лишь фермеры со старыми винтовками. Итальянцы вооружены гораздо лучше. У Италии есть самолеты. У Италии есть согласие Лиги Наций в форме пассивного молчания. Императору все это известно. Но доставка сообщений замедлилась, тогда как события ускорились, и эти последние катушки – все, что есть у него, чтобы представить себе события ближайших дней и недель.

Хайле Селассие слышит осторожное покашливание из коридора. По другую сторону запертой двери его советники начинают проявлять нетерпение, они ждут, когда он их позовет.

Начинай, говорит он адъютанту.

Адъютант вставляет катушку в проектор. Хайле Селассие слышит потрескивание прокручивающейся пленки и шипение электрического тока, змеей ползущего по проектору.

---

¹⁴ Псалом 20, стих 9.

Вскоре комната погружается в серый туман, и он медленно моргает, когда черный экран начинает хрипеть за белыми пятнышками, потом на нем появляются цифры.

Он подается вперед, сжимает руки в кулаки и смотрит. Не упускает ни одной детали. Он видит извергающиеся струи водопада Тсиссат и холмы Гондэра. Он видит карту и ожившую белую линию, повторяющую очертания Нила, ползущую мимо суданских женщин, вброд пересекающих великую реку; мимо египетских рабочих, сооружающих плотину; линия выходит из Эфиопии и исчезает совсем. Потом он видит высокие линии Нью-Йорка и группу американцев за столом, над которым из стены торчат два больших бивня. Он останавливает взгляд на бивнях.

Репортаж сообщает о его коронации, и он видит себя. Хайле Селассие помнит это мгновение. Он был горд. Был готов к тому, что его ждало. Хайле Селассие видит себя молодым, вот он салютует герцогу Глостерскому, выходящему из вагона. За герцогом идут высокопоставленные почетные иностранные гости, приехавшие на церемонию превращения раса Тэфэри Мэконнына¹⁵ в императора Хайле Селассие.

Потом ведущий перескакивает через несколько лет, и он снова в 1935 году, видит Бенито Муссолини: узкоглазого, с выступающей челюстью. А вот и его солдаты – многочисленные, как муравьи. Они садятся на громадный корабль. А вот Бенито на белом коне перед статуей Юлия Цезаря.

---

¹⁵ Одно из многочисленных имен императора Хайле Селассие.

Встык идут кадры с возмужавшим и помрачневшим Хай-ле Селассие в его кабинете; он сидит, сложив руки, когда он кивает и смотрит мимо камеры, в его глазах таится тихий страх. Кто тогда говорил с ним? Какой вопрос заставил его отвернуться вот так?

Мы здесь. Мы здесь, шепчет он, потом придумывает формулу получше: я здесь.

Еще раз, говорит он. Переставь проектор поближе к стене. Он хочет, чтобы изображения проецировались на три стены. Он хочет, чтобы они двигались справа и слева от него, стереоскопически. Он хочет стать частью этого раскалывающегося мира. Он хочет устремлять взгляд в центр, пока периферия не заскочит по его велению в середину. Он хочет научиться противостоять хаосу и сохранять спокойствие, пока мир не вернет себя в прежнее состояние.

Адъютант ставит катушку еще раз.

Император закрывает глаза и слушает потрескивание целлулоида по металлу. Он понимает, каковы составные части этой надвигающейся войны. Он может разобрать ее и проанализировать каждый гнилой сегмент имперской мечты Муссолини. Он видит отдельные части, но не может осознать целого. Он не понимает, что еще может сделать.

Ваше величество? Пленка закончилась. Поставить еще раз?

Он кивает, потому что не верит своему голосу. Он чуть отодвигает назад свой стул, открывает глаза и позволяет

изображениям прийти в столкновение.

Еще раз, ваше величество?

Император не может ответить. Он может только сидеть в этой темной комнате и моргать, пытаясь вернуть мир в фокус.

Глава 5

Хирут делает передышку – она просеивает тефф¹⁶ на веранде. Кидане и Берхе у конюшни за углом, вне ее поля зрения. Они разговаривают непринужденным дружеским тоном, даже не догадываясь о том, что закопано под поленницей в двух шагах от них. Она спрятала там украденное несколько недель назад и после этого была все время начеку, она так остро ощущала присутствие Астер и Кидане, когда те выходили из дома во двор, что даже стала спрашивать себя, а не чувствуют ли они, что она сидит у них на закорках, поворачивает голову, когда поворачивают головы они, залезает им в глотки, желая услышать самый первый намек на то, что ее раскрыли: резкий вдох, неожиданный хруст в шейных позвонках. Голоса двух мужчин доносятся до нее. Потом они появляются в воротах, держа обеими руками за концы длинный холщовый мешок, на котором лежат две новые винтовки. Они собираются доставить дополнительное оружие в новое войско Кидане – молодым рекрутам, которых он готовит к еще не начавшейся войне. Хирут наклоняет голову и, облегченно вздохнув, продолжает просеивать тефф.

Она встряхивает миску, наполненную зерном, и ветер уносит обсевки. Ее глаза следят за движениями рук – вниз-вверх. Ее сердце замедляется до ровного ритма. Все звуки

---

¹⁶ Злак, выращиваемый в Эфиопии.

мира стихают до своей нормальной жужжащей умиротворенности. Она снова настолько погружена в свою работу, что не сразу замечает Астер в окне: та внимательно смотрит на нее, ее глаза двигаются вместе с глазами Хирут, фиксируют, как девушка смотрит на конюшню, как наклоняется в ту сторону. И только когда Хирут слышит стук-стук-стук, она испуганно поворачивается и видит женщину, которая стоит, прижав руку к стеклу, словно собирается раздробить его в кулаке.

Позднее она истолкует этот импульс как инстинктивное желание спастись бегством: Хирут оставляет тефф, встает. Ее уже трясет, ее тело реагирует на те слова, которые еще только формируются. Астер выходит из дома и становится рядом с ней, прослеживает направление ее взгляда. Астер сходит с веранды, останавливается, чтобы повернуться и посмотреть на Хирут, потом поворачивается к конюшне. Хирут смотрит на спину Астер, на ее сжатые в кулаки руки, виляющие по бокам. Они обе стоят так одна за другой лицом к конюшне, наконец Астер делает один шаг вперед, другой, а Хирут идет следом, ее ведет страх, который сильнее ужаса, пытающегося ее остановить.

Астер останавливается у дверей конюшни. Что здесь такое? Она зубами перетирает каждое слово.

Позднее Хирут скажет, что никак иначе это и не могло случиться. Она не могла ничего другого – только признаться и просить прощения. Глупо было брать эти безделушки,

драгоценности, выведенные из оборота монеты. Глупо было воображать, будто все это принадлежит ей. Нет такого места на Земле, где девчонка вроде нее может владеть теми вещами, которые она закопала для хранения. Она всегда знала это, как знала и то, что никогда больше не увидит своей винтовки. Некоторые люди рождаются для того, чтобы владеть вещами. А другие рождаются только для того, чтобы класть эти вещи на предназначенные им места и чистить их. Эта мысль была ей знакома, но она предпочла ее игнорировать, надеясь, что усилием воли сможет превратить себя во что-то другое.

Ты здесь прячешь что-то?

Нет, говорит Хирут.

Хирут ждет, что Астер скажет что-то еще, но женщина стоит там и не двигается.

Так где же оно? Я видела, ты поворачивалась в эту сторону каждый раз, когда кто-то сюда подходил.

Она видит, как напряглась спина Астер, как сжались челюсти, отчего натянулись мышцы на шее. Астер сдерживает ярость, ждет идеального мгновения, когда можно будет дать свободу своим чувствам. А в том, что такое мгновение настанет, нет никаких сомнений.

Скажи мне, что ты делала. Кровь ударяет ей в лицо. В глазах собираются слезы – она смаргивает их.

Я искала мою винтовку.

Пространство между ними удлиняется, и они словно ста-

раются не потерять равновесия, потому что земля под ними начинает ходить.

Ты не понимаешь? Взгляд, которым она вперилась в Хирут, колеблется между ненавистью и разочарованием. Винтовка больше тебе не принадлежит.

Хирут вытирает глаза. Она не хочет, чтобы эта женщина догадалась, как опасно близка к разгадке.

Из конюшни повеяло спелым запахом навоза, едкой резкостью мочи и соломы. Они обе одновременно чувствуют этот запах, а когда Астер поворачивает голову, Хирут делает то же самое и обнаруживает, что край поленницы торчит из-за угла здания. Она быстро отводит взгляд и останавливается на дверях конюшни, но перед этим встречается взглядом с Астер.

В моем доме много спрятанных вещей, ты так не думаешь? Астер произносит это тихим голосом, но теперь очевидно, что ее трясет от ярости. Она пытается сдержаться, успокоиться, отчего напрягается каждый ее мускул. Лицо ее от усилия распухает, рот растягивается в мрачную линию.

Я видела, ты орудовала в моей спальне, продолжает Астер. Ты заходишь в его кабинет и роешься в бумагах. Ты ведь даже читать не умеешь. Думаешь, сможешь заменить меня?

Из конюшни доносится громкое фыркание Адуи.

Хирут смотрит на рот Астер в ожидании слов, которые сломают ее решительность и поставят ее на колени. Она чувствует, как краска бросается ей в лицо, устремляется в то

место, к которому Кидане прикасался губами. Она поднимает руку, чтобы отогнать это ощущение прежде, чем заметит Астер.

Кто ты? спрашивает Астер.

Хирут подтягивает воротник своего платья, опускает голову. Она знает, кто она, но еще она знает, что ей конец.

Я ничего не хочу, говорит Хирут. Только вернуть мою винтовку.

Астер поднимает руку, чтобы ударить ее, но сдерживается. Она берет руку Хирут, тычет большим пальцем в ее локоть. Ты все еще считаешь, что этот мир построен для тебя? спрашивает она. Ты родилась, чтобы приспособиться к нему. Вот в чем твоя судьба. Судьба твоей матери. Твоя винтовка принадлежит Эфиопии. Ее отдали тому, кому она нужна, чтобы воевать. Неужели ты думаешь, что ты важнее страны?

Астер тащит ее за собой к стене здания перед пленницей. Ну, давай, покажи мне.

Вот кое-что про нее: ей нравится петь. Ей нравится звук ее голоса, заключенный в мелодию и выкатывающийся из горла. Мать научила ее, как сделать так, чтобы голос мог метаться между двумя чувствами, не раскалываясь. Она поет, чтобы запомнить, приколоть факт к ритму и надежно разместить его в голове. Когда она создает песню, она может изменить событие, развернуть происходящее в нем действие, изменить его смысл, даже предать его забвению. Она всегда осознавала неустойчивую природу правды. Она знает: чтобы

что-то тронулось с мертвой точки, нужно верить.

И когда Астер ведет ее к стене здания за пленницей и говорит: Ну, теперь покажи мне, Хирут думает о мелодии и позволяет ей подняться из груди и обосноваться внутри горла, в готовности. Песнопение, которое очистит настоящий миг. И когда у нее не остается выбора, только полено за поленом начать разбирать пленницу под наблюдением Астера, которая стоит, сжав губы, Хирут начинает напевать. Она снимает один ряд за другим, попевая за печальными модуляциями ее бессловесной баллады, она начинает произносить имя матери: Гетеи. Она шепчет его, продолжая работать, пока не остается ничего, кроме узкой горки земли, которая обвинительно отвечает на ее взгляд. Она и Астер стоят перед горкой, утратив дар речи, наконец Астер опускается на колени, ползет к ямке и начинает копать.

Хирут поворачивается к ней спиной. Потом она чувствует, что ее качает. Ее тело начинает складываться, и даже имя матери не имеет достаточной силы, чтобы удержать ее на ногах. Она кладет голову на землю, прижимает к коленям, защищает руками голову и ждет, стонет с усиливающейся истерикой: *Эмама, эмайе*, помоги мне.

Вот что находит Астер: две помятые сигареты, сломанный карандаш, кожаную сумку, пустую таблетницу, стопку проштемпелеванных документов, кожаный браслет, пепельницу, часы без браслета, штемпельную подушечку и сломанный компас, маленький камушек янтаря, мухобойку из конского

волоса, ржавый карманный нож, складной веер, два сложенных конверта, деревянный нателный крест, два закрытых медальона, две серебряные цепочки, накрученные на нож для открывания писем с серебряной рукояткой, кожаный нателный крест, шесть спичечных коробков, клочок черного бархата, голубой камень, ложку с золоченой ручкой, поколотый кусочек песчаника, связанный узлом негодный хлопок, сережки из фальшивого золота, поцарапанную чайную чашку, маленький бинокль и ее ожерелье.

В эту минуту произносятся какие-то слова, но Хирут потом не сможет вспомнить, она или Астер цеплялась за надорванную кромку сломанной мысли: *Эмайе, эмайе*, почему ты не сказала мне? Почему ты не сказала мне, что все будет вот так?

Астер покачивает ожерельем над головой Хирут. Она, похоже, не в силах понять, что держит в руке. Ее лицо искажено, черты крошатся, потом собираются воедино, потом снова распадаются. Она покачивает головой и говорит: Какое она имела право? Какое она имела право? Потом она опускает взгляд на Хирут, и в этот момент Хирут понимает, что подняла голову, чтобы увидеть новую версию Астер: терпящую крах и взбешенную, ошеломленную до невообразимой растерянности, склонившуюся под воздействием невидимой силы, которую Хирут может чувствовать, но не в силах понять.

Сядь.

Хирут, не задумываясь, подчиняется. Она вдруг осознает, что стоит на коленях лицом к лицу с Астер, протягивает руку, чтобы взять ожерелье, чтобы спрятать свидетельство своего усиливающегося стыда. Астер шепчет: Какое она имела право, хватая Хирут за волосы и отвешивает ей со всего размаха пощечину.

Для Хирут этот удар – облегчение. Хоть какое-то дело: получить удар. Есть куда уйти: в боль. Она радуется, что можно отвлечься от той дрожи, которая выходит из Астер и проникает под ее собственную кожу – она чувствует это. Она плачет, готовя себя к крику, потому что знает: Астер тоже пользуется голосом, Астер тоже знает, как швырнуть голос на манер камня из пращи и поставить на колени взрослого мужчину. Неловко повернув шею, Хирут хватается себя за волосы у корней, чтобы не позволить Астер вырвать их. Часть кожи на ее голове уже горит. Потом она закрывает глаза в ожидании следующего удара. Она готовится к тому, что кулак обрушится на ее челюсть, отчего нижние зубы щелкнут по верхним. В ее ушах будет стоять звон от смыкания челюстей, потом челюсти разойдутся, на коже останется синяк, но кости не будут сломаны. Хирут наклоняет голову навстречу удару, в ее страхе начинает вызревать зернышко торжества. Что бы Астер ни сделала, она не сможет вернуть ожерелье, не сможет раскопать его снова. Она не сможет заставить Кида не засовывать его в самый дальний угол переполненного ящика так, чтобы забыть о его существовании. Она не может

ничего иного – только бить, и каждый удар – это бессильное замещение ярости, которую она предпочла бы направить на своего мужа.

А потом откуда-то издалека до нее доносится щелчок, а следом хрустящий треск податливой кожи. Мысль представила тонким лучом света, плывущим по темному небу: Астер сняла с крюка плетку – ту, которой Кидане изредка хлещет свою лошадь Адуу. Плетка всегда, с ее первого дня здесь, висела на согнутом гвозде на стене здания. Она висит как раз над поленицей. Теперь она в руке Астер, и теперь не ветер хлещет Хирут, а плетка.

Пожалуйста, говорит Хирут. Она разворачивается, чтобы защитить спину от следующего удара. Кончик плетки ударяет ее по плечу, разрывает кожу на ключице. Разрыв быстро наполняется кровью, которая стекает вниз с одной стороны от ее горла, напоминая разорванное ожерелье. Теплый влажный щит образуется на ее платье, увеличивается в размерах, и она знает: у нее сильное кровотечение. Хирут прошибает пот, и она чувствует, как в ее голове опускается темный занавес. Несколько мгновений нет никаких слов. Никаких звуков. Только размеренный терзающий хлест по ее спине и плечам,рывающий кожу, чтобы добраться до костей. Она хочет закричать, но Астер продолжает бить ее, и нет голоса, которому хватило бы силы выбраться из этой пропасти. Нет звука достаточно низкого, чтобы закопаться в нее. Она неторопливо отсчитывает рубцы и разрывы, ожоги открытых ран.

Она распадается на части.

Она слышит голос кухарки: Астер. Асти. *Эмебет*¹⁷. Не так. Убирайся отсюда, говорит Астер, пиная Хирут в живот.

Хирут перекатывается на спину, давится в кашле, пытаясь глотнуть воздух. Помогите мне.

Кулак находит середину ее груди, и Хирут, приведенная в движение силой ошеломляющего удара, бездыханно складывается вокруг этой новой боли. Теперь страх охватывает ее по-настоящему. Один ее глаз закрывается. Она видит край распухшей губы. Она поворачивает голову в направлении кухарки, от этого движения тошнота подступает к ее горлу. Кухарка качает головой, смотрит безжизненным взглядом, подбородок у нее дрожит. Хирут слышит голос – она знает, это ее голос, – который зовет ее мать, зовет Кидане, зовет ее отца. И когда она поворачивает голову, чтобы попросить Астер перестать, пожалуйста, перестать, она уйдет, уйдет и умрет, и никогда не вернется, она видит, как Астер падает на колени, швыряет ожерелье к голове Хирут, и оно приземляется, ложится бесформенной грудой, как раненое животное.

Несколько мгновений мир вращается в неестественной тишине. В нем есть только Астер, которая прижимает лицо к земле и ползет к ней. Хирут видит безумную скорбь в ее глазах, видит, как ее рот пережевывает слова, чтобы выплюнуть их. Клуб пыли поднимается над Астер, когда она волоком тащит себя по земле, словно забыв, как пользоваться

---

¹⁷ Хозяйка дома, госпожа (*амхар.*).

ногами, словно ее тело не может удержать полное бремя ее ненависти. А потом между ними не остается ничего, кроме пыльного воздуха толщиной в палец. Тишина длится, Хирут слышит только звон у себя в ушах. А потом: Это было ни за что? Кричит Астер и трясет Хирут за плечо. Это было ни за что?

Хор

Мы видим маленькую Астер. Мы видим, как она поднимается по лестнице, а хор женщин причитает за ее спиной. Она хватается для большей надежности за перила, подтаскивает свое свинцовое тело на следующую ступеньку. Ее детское сердце, обезумевшее от страха, заметно дрожит в ее груди. Мы слышим мужской смех в зале внизу. Мы слышим скрип тяжелых стульев, эхом разносящийся по всему большому дому. Повешенная на длинный гвоздь яркая керосиновая лампа покачивается на площадке перед ней. По стенам скачут тени, и что ей еще остается – только в ужасе оглянуться на мать. Она ведь в конечном счете такая маленькая. Всего лишь девочка. А потому, когда они говорят ей: Ну, давай, Астер, иди к твоему новому мужу, что может сделать Астер – только подчиниться и идти.

На верхней ступеньке стоит кухарка, она распахнула руки, чтобы взять ее и проводить в спальню. Астер не знает, что мы там. Она не может видеть, как на темной, темной лестнице сияет ее великолепное абиссинское платье. Другого пути

нет, только через спальню, говорим мы ей. Никакого пути для бегства нет, кроме того, что ты найдешь в себе. Мы шепчем, но она не слышит. Мы предлагаем совет, который все матери дают дочерям, оставляющим позади свое девичество. Она спотыкается и останавливается на последней ступеньке. Девочка, которую так трудно довести до слез, в этот момент на грани обморока. Кухарка покачивает головой и прижимает палец к губам, подбадривая ее движениями руки.

Не бойся, Асти, говорит кухарка. На нем ожерелье, которое ты ему дала. Это хороший знак. Иди, *эмебет*, не волнуйся, он будет нежен.

Но Астер ничего не слышит. Она повисла над праздничными голосами, она в плену у созревающей ярости, которую ошибочно принимает за страх. За этой дверью спальня. В спальне Кидане. Когда она войдет, то должна будет сделать это без кухарки, без матери. Она должна войти как жена человека, которого едва знает. Они будут одни и будут делать то, что делают муж и жена, когда закрывают за собой дверь и погружаются в гробовое молчание. Выбора нет – только вперед. Другого пути нет, только через спальню, снова говорим мы ей.

На площадке кухарка притягивает ее к себе, обнимает. Ляг на кровать, раздвинь ноги и закрой глаза. Утром я буду ждать тебя здесь. Я сама тебя искупаю, если захочешь. Она целует Астер в одну щеку, в другую, поправляет складки на ее платье. Ты красивая, говорит она.

Распухший глаз кухарки почти зажил, как и рассеченные губы – на них теперь лишь сухая корочка. Никто из них не говорил о той ночи, когда они пытались убежать, но отец Астер поймал их. Это стертое воспоминание, выжженное, истолченное в прах. Когда раны окончательно заживут, не останется никаких свидетельств того, что Астер и кухарка когда-то заключили договор бежать вдвоем и никогда не возвращаться. Теперь кухарка говорит с ней так, будто Астер не нарушала своего обещания: признаться, что идея принадлежала ей самой. Она нежно смотрит на нее, словно Астер всю вину приняла на себя, словно это Астер чувствовала, как кулаки отца вонзаются в ее живот, крушат ее челюсть.

Астер цепляется за кухарку, прячет лицо в ее плечо. Идем со мной, всего лишь за дверь.

Выражение, которое мелькает на лице кухарки, – словно жесткий луч света. Нам всем приходится делать то, что нам не нравится, говорит она.

Они идут к спальне, перед дверью кухарка отходит в сторону. Астер кладет ладонь на дверь и толкает ее, потому что другого пути нет – только через спальню, потому что ничто другое невозможно, потому что ничто другое никогда не было возможно, только идти туда, куда она должна идти. Она входит внутрь, прижимается спиной к стене, ее тело пульсирует, как нераскрытая рана. Она все еще воображает побег. Она не видит внизу лестницы мать, готовую схватить ее, если она бросится в бегство. Кухарка тоже смотрит на дверь спальни,

ее челюсти плотно сжаты, она пытается скрыть улыбку, но у нее это плохо получается.

В большом зале внизу воздух наполнен густым запахом мускуса и дыма. Мужчины позакрывали все окна, от нетерпения их глаза скучнеют. Они ждут одного звука: испуганного крика девочки, первых знаков того, что мужчина освободился. Ждет и мать Астер, ждет и дрожит, как та юная девочка, какой она была когда-то. Она тянется к руке кухарки, но та отдергивает руку. Она восстанавливает в памяти свои шаги по той дороге, которая, как когда-то надеялась кухарка, приведет к свободе. Она снова клянет жесткие кулаки, которые свалили ее. Другого пути нет, только через спальню, бормочет она себе под нос. Нет никакого пути для бегства, кроме того, что ты найдешь в себе.

Кровать сделана из надежного дерева и плотных слоев кожи. Она огромная. Она чудовищно большая. Она слишком велика для такой девочки, как она. А вот и он, алчущий мужчина, вышагивающий по комнате в проникающем свете, его белая одежда ослепляет бликами, швы яркие, как зубы. На нем ожерелье, которое она ему подарила, оно свободно висит на нем, обильное золото ловит искорки света. Астер бросается было к двери, но та закрылась и заперлась без ее участия.

Иди сюда, бормочет он. Он аккуратно садится на кровать, чтобы не помять белые хрустящие простыни. Он снимает ожерелье и протягивает ей. Посмотрим, как оно пойдет тебе,

Маленькая. Он похлопывает по кровати, подвигается. Вот сюда.

Астер стучит в дверь, дергает ручку. Пожалуйста, говорит она.

Иди, шипит кухарка из коридора.

*Лидже*¹⁸, мы будем здесь, когда ты проснешься. Голос ее матери звучит так тихо, что может уместиться в щелочке между дверью и стеной. Все будет хорошо. Помни, что я тебе говорила.

Астер, говорит Кидане. Ожерелье лежит кое-как в середине его ладони. Я очень горд тем, что ты – моя жена. Я знаю, ты испугана, но все в порядке. Ты привыкнешь.

Только мы знаем, что он толком не понимает, как ему быть с этой девочкой. Он слышал разговоры мужчин, но ему некого было спросить о такой маленькой. Ему ничего не оставалось, только с напускной гордостью пройти к своей спальне, протянуть руку и сказать: Идем. Он наполнил себя выпивкой и песней. Он крепко цеплялся за отца и отворачивался от взгляда матери. Он улыбался и кивал, сидел в церкви рядом с этой Астер, а сердце билось в его груди, как сумасшедшее. Он смущен, но не испуган. Он встревожен, но не на чеку. Он чувствует именно то, о чем он и сказал: он горд.

Отпусти меня домой, говорит она. Я вернусь завтра.

Он смотрит на ее гибкую фигурку, тонкую шею, маленькие запястья. Видит слезы, видит, как она их смаргивает. Он

---

¹⁸ Обращение к ребенку, к младшему – дитя мое, сын мой, дочь моя (*амхар.*).

видит ее содрогающееся тело, ее дрожащие плечи, и его нервозность снижается. Он начинает понимать рассказы тех мужчин, что собирались вокруг него в последние недели. Сначала ты почувствуешь себя старым, потом молодым: вот, что они говорили ему. Ты должен быть сильным, добавляли они, не сдавайся. Она принесет тебе сыновей, которые будут похожи на своего отца, так что решай, каким ты будешь мужчиной, с первой ночи. Кидане сидит на кровати, и мы слышим, как его дыхание ускоряется. Мы видим, как он начинает лосниться от пота. Мы видим, как он дрожит, и мы знаем, он сделает то, что делали те, кого он называет своими отцами.

Отойди от двери. Сейчас же. Его дыхание замедляется. Тело напрягается. Расслабленность уходит из его костей. Он сидит, но он начинает наливаться силой, становится хищным, подобным рептилии, жестким.

Из коридора доносится скрип половиц. Лестница стонет, и она знает, что женщины ушли. Он чувствует в жаркой комнате смешанный запах пота и теджа¹⁹. Здесь стоит запах старого масла, высушенной кожи и сладкого ладана. Астер роняет голову и цепляется за стену. Она не в состоянии двигаться. Ее тело стало подобно камню.

Кидане поднимается с кровати, кладет ожерелье на простыни. Он снимает рубашку, становится рядом с ней, его руки висят по бокам.

Посмотри на меня, говорит он.

---

¹⁹ Традиционное эфиопское вино из меда.

Его голая грудь расширяется, тугая плоть проступает сквозь грубую кожу. Упругие мускулы натянуты на его плечи, как канаты, и уходят по спине вниз. Его руки действуют с четкостью, какую она видела только у сильнейших мужчин из ее родни. Его тело заполняет комнату, поглощает воздух, хотя он даже не двигается, она чувствует, как его жар подавляет ее. Астер обхватывает себя руками, опускает голову.

Посмотри на меня, повторяет он.

Он надевает ожерелье. Толстая золотая цепочка сверкает на его коже. Он целует крест, смотрит на него с обратной стороны, на которой ювелир, по настоянию ее матери, вырезал имя «Кидане».

Настанет день, и это ожерелье перейдет к нашему сыну, говорит он и улыбается.

Он стаскивает с себя брюки, и вскоре на нем не остается ничего. Астер отшатывается от этого зрелища. Между его ног она видит волосяной треугольник – волосы грубые, густые и угрожающие. Он щетинится твердой плотью, окутанной дурманящим запахом этой комнаты.

Его руки висят по бокам. Не отворачивайся от меня, говорит он. Его голос дрожит. Он делает шаг вперед.

Мы можем только смотреть, как Астер садится на пол и закрывает лицо руками. Она обещала кухарке, что не будет плакать, но слезы вырываются на свободу. Ее тело полностью сползает на пол, а перед ее мысленным взглядом – растущее пространство, готовое проглотить воспоминания обо всем,

что произойдет сегодня. Мы напоминаем ей, что и это один из способов. Это тоже вариант бегства.

Астер начинает трясти, это неконтролируемая дрожь, конвульсии такие мощные, что она не слышит, как Кидане подходит к ней, пока он не наклоняется над ней, обхватывает ее руками, поднимает на ноги, прижимает к своей теплой коже, к своему узловатому телу, к своей плотности и к ожерелью, которое врезается ей в щеку, как нож. Он несет ее в кровать, и нет ничего, ничего, что она могла бы сделать, чтобы оказаться снова в безопасности.

Он легко укладывает ее посреди кровати. Она этого не слышит, но внизу, в углу этого огромного и гулко-го дома, плачет ее мать, а кухарка поднимает голову и смотрит вверх, будто может видеть сквозь дерево. Астер пытается свернуться, но Кидане хватает ее за руки и прижимает к своей груди, и она чувствует его учащенное дыхание и его скользкий пот. Она отстраняется, выпускает тонкий визг. Кидане снимает с себя ожерелье и надевает на нее, он тихо смеется, видя, как ожерелье раскачивается ниже ее груди и царапает живот.

Ты такая маленькая, говорит он.

Потом он поворачивает ее лицом к себе, прижимает ее руки к своему лицу и целует ее пальцы, а когда Астер пытается встать на кровати и убежать, хватает ее за подол платья, снова сажает и прижимает свой закрытый рот к ее, прижимает с такой силой, что ее губы изнутри начинают больно тереться о зубы.

Ей удастся отвернуть голову. Отпусти меня, говорит она.

Мир за дверью погрузился в тишину. Ставни на окнах закрыты. Остались только они вдвоем, и идти ей некуда. Она пытается вырваться из его хватки, к нарастающей в ней ярости примешивается ужас.

Он дергает ее вперед, чтобы она потеряла равновесие, а потом роняет на спину, прижимает предплечье к ее груди. Это не требует от него никаких усилий, он даже охает.

Будет лучше, если ты расслабишься, говорит он, потом прижимает свой рот к ее уху. Все хорошо, говорит он.

Она сводит ноги и вытягивает их на кровати. Делает ровно противоположное тому, о чем говорила ей кухарка, потому что иное неестественно. Неестественно и трусливо поднимать ноги и ждать этого мужчину. Более естественно, решает она, сопротивляться. Нет никаких других способов, кроме этого, скажет она кухарке. Нет никакого другого способа, только сопротивляться.

Закрой глаза, шепчет он ей в щеку. Закрой глаза и сделай вид, что я твой слуга, который помогает тебе переодеться. Закрой глаза. Его голос звучит нежно, успокаивающе.

Он каким-то образом задирает подол ее платья и накидывает юбку ей на колени. Большая рука, которую он кладет на ее бедро, – посторонний предмет. Это полено, кусок металла, камень, нечеловеческий и холодный. Она уже не в состоянии опознать, что это. Некая масса на ее ноге, создающая странное ощущение, будто в этом месте образует-

ся синяк. Он двигается проворно, его сильные конечности действуют быстро, а его плечи придавливают ее к кровати, а потом он одну за другой вытаскивает ее руки из платья, и прежде чем Астер находит способ выскользнуть из его рук, он закидывает платье ей за голову и вытягивается на ней, одна его рука следует по цепочке на ее шее, к ее грудям, к ее ребрам, он останавливает ладонь на ее животе, и его жар словно огонь обжигает ее кожу.

Я буду нежен, говорит Кидане. Тебе не будет больно.

Астер превращается в кусок металла. Она воображает себя сталью и каждую кость запирает на своем месте. Она отказывается смотреть на него. Отказывается слушать. Она не шелохнется, пока не наступит утро и она не станет свободной. И тогда она отправится домой, и пускай отец избьет ее. Она ему скажет, что живой сюда не вернется.

А этот человек продолжает говорить тихим голосом, чтобы успокоить ее, а потом застать врасплох, но она смотрит на стену, и на этой стене висит сабля, она довольно близко от этой сабли – можно вскочить, схватить ее и одним движением перерезать его горло. Она набивала на этом руку много раз с кухаркой, используя для этого грызунов и кур, – они тогда планировали побег. Она его убьет, если он сунет руки ей между ног, а кухарка предупреждала ее, что именно это он и сделает. Она его убьет, и его кровь зальет эту кровать. Астер подсчитывает число шагов до сабли и представляет себе, как одним прыжком преодолевает расстояние назад.

Кидане улыбается и щиплет ее за щеку, принимая ее молчание за согласие. Ты избалованная, говорит он мягким голосом. Он смотрит на ее грудь, глаза его горят. Ты больше не девочка, говорит он. Потом коленом раздвигает ей ноги, устраивается между ними.

Когда она открывает рот, чтобы закричать, его рука ударяет ее по зубам, удар настолько сильный и неожиданный, что у нее начинает кружиться голова, боль быстро расцветает в ее челюсти.

Не двигайся, говорит он. Перестань, и тебе не будет больно. Я обещаю. И опять этот голос дрожит в темноте, словно боится не она, а он. Обещаю, повторяет он, придавливая ее всей тяжестью своего тела.

И теперь кожа к коже, плоть к плоти, и хотя Астер знает, что это бесполезно, она пытается соскользнуть с матраса, но он, словно свинец, лежит на ней удушающим грузом.

Вот оно: ее мать сказала ей, когда время придет, она поймет, что делать. Но есть еще и другое соображение: кухарка сказала ей, что, когда время придет, она ничего не сможет сделать. Прими это, сказала кухарка. Прими то, что придет, проснись утром и живи дальше. А потом Кидане резко дергается, словно хочет наказать ее своими бедрами. Он напирает на нее, и поначалу Астер не понимает, что он делает. Она не может понять, что он ищет своими пальцами и той своей штукой, которую она обрубит саблей, как только у нее появится такая возможность. И пока она размышляет, пока

ее мысли мечутся в ошеломляющем смятении, боль ударяет ей в глаза, дыхание перехватывает, и она чувствует, что раскалывается. Астер открывает рот, чтобы закричать, и на этот раз Кидане не ударяет ее, на этот раз ее словно и нет здесь, хотя она и есть то тело, на котором он совершает свои движения, словно боится утонуть в ней, издавая свои охи.

Ее мозг немеет от боли, она чувствует, что покидает эту смрадную комнату, этого потеющего человека, и вот она уже витает над собой, смотрит на девочку, которая тянется к сабле, чтобы разрубить этого человека пополам, а потом бежать домой.

А потом...

Она терпит поражение и исчезает.

Глава 6

Она тащит Хирут в конюшню и предупреждает кухарку, чтобы та не отпирала дверь. Хирут лежит, свернувшись, там, где ее положили, боль разогретым клинком прижимается к ее костям. Спустя несколько первых часов она словно выходит из себя и смотрит, как зачарованная, на небольшое скопление крови, которая свертывается на ее шее. Кровь начинает срастаться в бугорок раны, которая тянется через плечо к груди. Когда ей это наскучивает, она оставляет себя позади, выходит из конюшни и проникает в кабинет Кидане. Она просматривает газеты на столе, устремляет взгляд мимо фотографии императора Хайле Селассие, которую Кидане вырезал и отложил в сторону, потом устраивается на его стуле и делает вид, что читает. Она видит колонны и колонны марширующих *фференджи* и корабль, переполненный людьми в форме. Она видит, как они машут ей своими винтовками, она видит разверстые рты, они растягиваются и поглощают ее, и она понимает, что падает в пасть чудовища и продолжит падение, если не шевельнется. Она встает и идет по коридору на веранду, продолжает идти, наслаждаясь своей ничем не ограниченной свободой.

На границе компаунда она останавливается у ворот и прислушивается к деревьям, которые манят ее дальше. Домой, говорят они. Иди домой. Лошадь Кидане, Адуя, оплакивает

ее в конюшне. Буна, лошадь Астер, сердито трясет головой. На крыше попрощаться с ней собрались совы. Даже ветер изменяет направление, чтобы обнять ее за плечи и охладить огонь. И Хирут знает, что должна идти домой. Она должна найти дорогу и идти, пока снова не окажется в руках матери, которая ждет, когда отец вернется с полей. Они испуганы, и она тоскует в одиночестве и не знает, почему так долго отсутствовала. Настанет день, когда у нее будет достаточно сил, чтобы вылечить синяк, растущий у нее на груди. А пока пусть он растет, пусть прилепится к ребру и давит на ее легкие, потому что ей нужно быть дома. Хирут открывает ворота и выходит в колодец густой тьмы.

Вот она стоит в центре этой комнаты, где есть только темнота и только эти раны, и только боль посылает предательский луч света в ее голову. В ее голове слова, которые освобождаются от смысла, и ничто не может удержать их на месте, кроме звука ее собственного имени, набирающего силу в его повторях: Я – Хирут, дочь Гетеи и Фасила, рожденная в благодатный год урожая. Она – Хирут, окруженная темнотой, густой, как плоть, она – пульсирующая рана в середине. Она – слабый свет, проникающий в комнату через щель в стене. Она – свет, пережеванный на краю раны. Она – боль, пульсирующая в одиночестве в этой черной комнате, где нет ничего другого, только темнота, только рана, которая, в отличие от поврежденного сердца, не перестанет подрагивать. В ее голове воспоминания о свете, который щелкает, слов-

но хлыст над этой головой. Над головой девочки, которая прежде была Хирут, дочерью Гетеи и Фасила, рожденной в благодатный год урожая. Над этой девочкой, у которой нет больше головы, нет больше слов, нет больше памяти, нет больше имени, которая всего лишь воспоминание, погружающееся в темную нору забытья.

* * *

Тоненькая трещина в стене пропускает свет в конюшню. Потом сумерки проскальзывают меж облаков, чтобы обосноваться низко в деревьях. Ворота компаунда со скрипом открываются. Шаги и оживленные мужские голоса. Поленица перемещается и выстраивается на прежнем месте. Голос Кидане. Кто-то отвечает: Да, Гаше. Да, деджазмач²⁰ Кидане. Хирут пытается сесть в этом ящике, который обездвигивает ее тяжелое тело. Прохладный ветерок ползет, как насекомое, по ее шее, перемещается по кромке синяка на ее груди. Синяк расширяется, как пролитая вода. Он представляет собой свежую рану, вскрывшуюся под кожей. Он управляется временем, минутами, часами и днями, которых Хирут уже и не помнит. Она всегда находилась здесь. Она появилась здесь только что. Она пытается сесть, прислонить голову к стене, позволить своим глазам смотреть мимо разбухшей нежной

---

²⁰ Ранг в эфиопской армии.

кожи, выглянуть в щелочки.

Он на веранде, и неуверенный свет оседает на его повседневной *шамме*²¹. На нем пояс, широкий, как корсаж. Он стоит рядом с человеком помоложе, с винтовкой, висящей сзади на плече. Кухарка зовет их есть, Гаш Кидане, Аклилу, идите есть. Кидане называет имя, принадлежащее его жене. Она устала, говорит кухарка. И никто из них не называет имя девочки, которая заблудилась в темноте, она пятится, падает.

Позднее дверь распахивается. Серый утренний свет за-топляет конюшню, внутрь проникает порыв ветра. В дверь просовывает голову кухарка, она щелкает пальцами, показывает, что Хирут должна встать. Ты не спала рядом с Адуей и Буной? Она отрицательно покачивает головой, хмурится. Вставай, у нас гости, и она сказала, чтобы ты помогла. Поспешу, я боюсь, она придет и проверит. После этого кухарка разворачивается и возвращается на кухню.

Хирут с трудом встает на ноги, ковыляет из конюшни, ее покачивает, солнце слепит ей глаза. Ветер болезненно обдувает ее раны. Свежий воздух резким, холодным взрывом рвет ее ноздри. Свист Берхе грохочет в ее раскалывающейся от боли голове, а скрежет стула по полу в кабинете Кидане теркой проходится по ее позвоночнику. У входной двери целая груда сабель на мешке из холстины. У ступеней веранды большие корзины. Одеяла и шарфы, которых она не видела

---

²¹ Эфиопская накидка.

прежде, сушатся на новой веревке, натянутой рядом с оградой. Новая поленница притулилась к тем, что были сложены у конюшни прежде. Мир изменился с того момента, как она покинула его.

Кухарка зовет ее, и Хирут находит кухарку: она с ножом в руке, ссутулившись, сидит рядом с кухней, на коленях у нее лежит разделочная доска. Она нарезает кусочки мяса на еще более мелкие, тщательно отсекает жир. Лезвие ножа ударяет по доске с раздражающей настойчивостью, звук разносится по тихому двору.

Разожги огонь для *vota*²². Кухарка показывает на груды дров и угля перед ней и мгновенно возвращается к работе.

Хирут знает, что кухарка наблюдает за ней из-под опущенных век. Мне нужна твоя помощь.

Когда кухарка поднимает глаза, их взгляды встречаются, и боль у нее в груди настолько сильна, что Хирут позволяет губам дрожать, а ее ноги подгибаются под невыносимым грузом ее печали. Она бы позволила себе упасть, но кухарка, продолжая работать, покачивает головой и шепчет: Не позволяй ей увидеть твои слезы.

Над склоненной головой кухарки, в окне кабинета, видна фигура Кидане: он стоит над своим столом, смотрит на бумаги. Берхе тащит мешок с саблями, он, помрачневший от напряжения, выходит из-за угла от фасада дома во дворовую часть. В дальнем углу встают сидевшие там два молодых че-

---

²² Национальное блюдо из тушеной курятины.

ловека и помогают Берхе уложить мешок рядом с цветами Астер. Астер нигде не видно.

Ты оглохла? Поторопись с *гуличей*²³, нам нужно приготовить много еды, и будут еще люди. Кухарка так и не поднимает глаз.

Двое мужчин спешат к ней на помощь, когда она подтаскивает глиняную плиту поближе к кухне, потом возвращаются и продолжают проверять свое оружие. Двор снова погружается в неестественную тишину, а Хирут опускается на разбитые колени и укладывает дрова в топку глиняной плиты. Она поджигает дрова, дует на них. Каждое дуновение поднимает запахи, не дающие ей покоя: страх и навоз, старая солома и засохшая кровь – все те запахи, которые, как она считала когда-то, принадлежат самым бедным из бедняков. Она раздувает растущее пламя и пытается проглотить свое унижение. Незнакомые мужчины снова смотрят на нее, их глаза полны понимающего сострадания, словно она из тех, кто побирается на ступенях церквей, на базарах, умоляя о подаянии, которого ни от кого не получает. Несколько мгновений она опасается сильнее ворошить огонь, опасается, что усилит свои запахи, а ветер отнесет их в сторону этих двоих, и тут Берхе бросает саблю, которую полировал, и двое помогавших Хирут мужчин вскакивают на ноги, Кидане отворачивает голову от стола у окна, и все они поворачиваются на стук в ворота.

---

²³ Традиционная эфиопская плита для приготовления пищи.

Я их впускаю, говорит Берхе, и одновременно во дворе раздается крик Кидане:

Они пришли! Принесите воды, их наверняка мучает жажда. Мы поедем, когда я закончу.

Они – стена: мужчины, закаленные неопределенностями фермерского бытия, у них мозолистые подошвы, растрескавшиеся, как старая кожа, морщины, углубленные солнцем. На своих руках и плечах, ногах и груди они несут следы изнурительного труда. У них есть имена, которые она запомнит только потом, но то, что видит, она узнает сразу же. На них знакомые ей шрамы сельской жизни: плохо сросшиеся после перелома кости, отметины, оставшиеся после детских болезней, рубцы от старых ожогов. Они одновременно молодые и старые, усталые и настороженные, стройные и согнутые – ожесточенные. Они стоят перед Кидане у основания веранды и смотрят на него глазами, в которых благоговейный страх.

Их шестеро – жилистые мужчины с решительными лицами. На них старые бриджи и рубахи, потемневшие от долгой носки. Они не улыбаются даже после того, как лицо Кидане смягчается, когда он смотрит на них и кивает. Их суровость никуда не исчезает, когда он кладет руку на плечо одного из них, потом другого. Хирут не может оторвать глаз от их устрашающих лиц, от их глаз, затуманенных горячей яростью. Они худые, но мускулистые, с широкими ногами и мощными плечами. У одного в ухе сережка из черного камня. У другого – шрам близ челюсти. У самого низкорослого

кривая сабля на поясе. У самого высокого винтовка со штыком. Ни один из них никогда бы не согнулся и не струсил под кнутом.

Фотографии этого мгновения не существует. Осталось только это воспоминание, запечатленное в мозгу Хирут, мысль, набирающая вес каждый раз, когда она оглядывается назад. Несколько недель она и кухарка будут говорить об этом самыми редкоупотребительными словами: о силе и доблести, о патриотизме и гордости, о полном подчинении. И только позднее она посмотрит внимательнее и увидит то, чего она не могла увидеть. Здесь Кидане совсем другой человек, не похожий на того, который стоял перед Хирут и дрожал при звуках голоса жены. Не похожий на того, который наклонялся, чтобы поцеловать ее в щеку. Тогда его сгибало отсутствие многого: живого сына, покорной жены, спокойного дома. Здесь он провозглашает то, что невозможно увидеть глазами: преданность, которая являет себя полностью сформированной и неколебимой, поклонение, которое граничит со страхом. Они следят за каждым его движением из-под полуопущенных век, его положение столь весомо, что их головы наклонены к земле.

Ты готов умереть за свою страну? Спрашивает Кидане у человека – тот выходит вперед и называет себя: Сеифу. Кидане обходит его, другие пятятся, давая ему больше пространства. Ты пойдешь за мной в бой и пробежишь мимо, если я упаду?

Солнце – как полотно света за ним, ровно накрывающее долину внизу. Небо – ясная и живая голубизна, которая поддерживает задержавшуюся луну, слабого и призрачного незванного гостя этого дня.

Внимание Хирут привлекает выражение на тонком лице Сеифу. Он уверен в себе, физическая близость Кидане не сгибает его.

Я спросил, ты готов умереть за Эфиопию? Кидане приближает свой рот к уху этого человека.

Сначала я убью. Ответ Сеифу заставляет остальных подтянуться.

Наконец очередь доходит до Амхи, самого низкорослого из всех, но с широкой грудью и лукавой улыбкой.

Что тебе известно лучше, чем всем остальным, солдат? говорит ему в ухо Кидане.

Я знаю пещеры в этом районе, они выводят в Керен, говорит Амха. Я знаю все места, где можно спрятаться и устроить засаду, я знаю больше, чем *шифта*²⁴, я могу перехитрить любую *banda*²⁵. Я могу смотреть, как человек умирает, а потом сесть и поесть.

Его сабля настолько остра, что кухарка наклоняется над ней и завистливо восклицает. Он берет саблю в руку и рубает искривленным клинком ветер. И еще это, говорит он.

---

²⁴ Название местной милиции в Эфиопии и ряде других африканских стран.

²⁵ Так называли подразделения, сформированные в Эфиопии итальянцами из местных жителей и иностранцев.

Тонкий палец прослеживает ряд изящных букв по кромке. Молитва о мертвых.

Эскиндер знает горы и их тайны. Гетачев легок, как *френджи*, и может говорить на языке итальянцев и жителей соседних деревень. Хирут видит улыбку на лице Кидане, когда тот спрашивает: Французский? А человек кивает и отвечает: Да, и французский. Хаилу знает ядовитые растения и те, которые можно использовать как лекарственные. Есть и еще один человек – со шрамом на плече и умными глазами, тот, который посмотрел на нее, а потом отвернулся с выражением отвращения и сострадания на лице.

Я величайший снайпер, каких вы когда-либо будете знать. Ни один человек не может меня остановить, деджазмач Кидане. Ни одна пуля никогда меня не убьет.

Это Аклилу, ты видела его мать на базаре, она им так гордится, шепчет кухарка. Это его специальная охрана, некоторые из них – сыновья родственников, продолжает она. Будь у него взрослый сын, он тоже стоял бы здесь.

Пройдя вдоль шеренги, Кидане закрывает глаза и поднимает лицо к солнцу. Меня зовут Кидане, сын Чеколе, величайшего сына величайшего воина по имени Лемма, говорит он. Я ношу имя его отца, храбрейшего из всех людей. Моя кровь не боится покинуть тело и впитаться в эту землю, которая тоже принадлежит мне. Сегодня я даю вам клятву: с этого дня я буду вашим щитом в бою. И вы таким же образом должны будете вести остальное мое войско. Я буду защищать

вас моею жизнью, клянусь в этом каждому из вас. Вы станете моими сыновьями, моей кровью и плотью. Потерять кого-либо из вас для меня все равно что потерять часть себя.

Губы кухарки каменеют. Его отец произносил эту же речь, когда Кидане был мальчиком, говорит она. Она показывает на конюшню. Они стояли вон там, тьма людей в компаунде, и на дороге, и на склоне холма. Повсюду.

И ты была здесь? спрашивает Хирут.

Кухарка бросает на нее пристальный взгляд и отрицательно качает головой. Нет, конечно, Берхе мне рассказывал. Перед тем как отец Кидане отправился сражаться в Адуа, Кидане взял отцовский меч и порезал себе руку. Всего лишь мальчик, но его воспитывали, как воина. Она вытягивает руку ладонью вниз. Он позволил своей крови стечь на землю, а потом втер эту землю в ноги отца. Это традиция их семьи. Когда отцы уходят сражаться, сыновья проливают кровь перед ними. Она кивает и смотрит на Берхе, который наблюдает за ней от конюшни. Тайное знание соединяет их через пространство двора.

Отправляйтесь в ваши деревни и возвращайтесь с точными сведениями обо всем оружии, какое есть у ваших людей, говорит Кидане. Отберите тех, кому вы доверяете, чтобы они служили под вашим началом, и ведите в Ворету, где я буду вас ждать. Я не хочу собирать большое войско, как это делают другие. Мы будем небольшой и гибкой, но мощной единицей.

По группе людей проходит одобрителный гул.

Деджазмач Кидане, мы уже принесли тебе все наше оружие. Это говорит Аклилу, почтительно опустивший глаза. Нам не хватает винтовок и патронов. Он отваживается посмотреть в глаза Кидане. Мы не можем использовать винтовки наших отцов.

Аклилу из Годжама, сын моего младшего двоюродного брата, родившийся в Алем-Бере, говорит Кидане. Выказывай почтение, говоря со мной. Он складывает руки на груди. Ты тот, о ком говорят жители. Всадник с талантом снайпера. Но все же лишь сын моего двоюродного брата.

Аклилу склоняет голову, потом выпрямляется, отводя глаза в сторону. Они почти одинакового роста, хотя Аклилу немного выше. Рядом со зрелой силой Кидане он – бурление энергии.

Ты опасаясь, что я не смогу привести вас к победе?

Я верю тебе безоговорочно, деджазмач. Аклилу снова наклоняет голову. Не доверяю я своей винтовке.

Кидане прищуривается. Ты говоришь, как твой отец. Мехари хорошо воспитал тебя, но ему следовало научить тебя еще и подчиняться твоему командиру. Оружие будет, добавляет он.

Аклилу ждет, что Кидане скажет что-нибудь еще, на его лице снова выражение отрешенной суровости.

Кидане показывает на большое дерево близ ворот. Попейте воды, говорит он своим людям. Берхе даст вам чашки.

Он дружески кивает Берхе, в руке у него мешок, который он протягивает им. Потом мы поедим. Встретимся во дворе.

И вот в этом месте история дает сбой. Если верить популярной песне, то Астер, словно призрак появляющаяся рядом с мужем, прерывает Кидане. История утверждает, что в тот день, когда великий Кидане мобилизовал своих людей, с кровати поднялась одинокая фигура, чтобы внять его призыву к сопротивлению. Говорят, что созерцание этих людей, окруживших ее возлюбленного мужа, отвлекло Астер от безутешных печалей, вывело из спальни на веранду к мужу, одетому для войны в накидку и головной убор из львиной гривы. Но Астер не поднимается с кровати и не направляется к мужу, облаченному в свои одежды. Она не берет мужа за руку и не заверяет его в своей преданности. Она не просит у него прощения за свои необузданные скорбь и злость. Она не клянется умереть у его ног, если он падет, защищая их страну. Она уж точно не прикасается к животу и не обещает новых сыновей для войска Кидане.

Нет: Астер встает с кровати, одетая в черное, и направляется в кабинет мужа. Она идет, беззащитная и непреклонная, из страны скорби, потому что вспоминает то, чего не вспомнил он: сегодня день рождения ее умершего сына. А она, перед тем как Тесфайе испустил дух, дала материнскую клятву, что покинет его, только когда он вырастет настолько, что сможет понимать одиночество. И легенда никогда не расскажет, что Астер понимает и другое: все, любимое ею

прежде, ушло навсегда.

Астер тех знаменитых песен появится позже, но даже и тогда она будет легендой, сочиненной ее собственными трудами. Потому что сегодня по эфиопскому календарю 27 Нехас 1927, этот день называется также 2 сентября 1935 года, а еще Anno XIII²⁶. Столько разных способов назвать один и тот же месяц, один и тот же год того дня, когда Астер входит в кабинет Кидане, садится за его стол и обнаруживает газету с рассказом о женщине по имени Мария Ува, итальянке, живущей близ Порт-Саида. Пока ее муж стоит в окружении мужчин и рассказывает им о подвигах своего отца, Астер склоняется над газетой, чтобы получше разглядеть эту женщину-*ференджи*, которая кричит и размахивает флагом, словно объявляя войну. Астер всматривается в фотографию, в это историческое ликование самоуверенной женщины, флаг, трепещущий на ветру, и когда поднимает голову, она знает, что должна обновить себя и ответить на это объявление своим собственным.

На самом же деле знаменитая Мария Ува не кричит – она поет. И грядущая война будет объявлена не ею. В тот день, когда была сделана эта фотография, опубликованная в газете 30 августа 1935 года, Anno XIII, она поет вместе с другими «Giovinezza», а в это же время корабль «Клеопатра» следует

---

²⁶ Год XIII (*um.*) – летоисчисление по так называемой «фашистской эре» (Era Fascista), первым годом которой был объявлен год прихода к власти Муссолини: в 1922-м он стал премьер-министром Италии. 1935 год по этому календарю был тринадцатым годом.

в Порт-Саид. Трехцветный итальянский флаг у нее за спиной. В корабле перед ней две тысячи солдат выкрикивают ее имя. Свет в ее глазах мог бы быть патриотической радостью или, вероятнее, следствием острого угла, под которым падают солнечные лучи. Но день катится к закату, и усталые журналисты, спешащие выполнить выделенную им словесную норму и пройти цензуру до конца дня, сообщают о каждом движении этой *ragazza del canale di Cuez, la Madonnina del legionario*²⁷ в величавой терминологии морской богини.

Кроме того, это четвертый день недельного пути «Клеопатры» в Массаву. Подразделения солдат проделали путь из Рима и Венеции, из Флоренции и Апулии, чтобы пуститься в свое великое африканское приключение из порта Неаполя. Мы знаем, что Этторе находится среди этих солдат, хотя Астер никак не может это знать, сидя в кабинете Кидане и разглядывая фотографию Марии Увы. Хирут, сидя на вокзале в Аддис-Абебе с открытой коробкой у себя на коленях, глядя на ту же фотографию Марии Увы, понимает это совпадение. Она помнит тот день, когда Астер вышла из кабинета Кидане, принесла фотографию этой женщины в кухню и сказала кухарке: Мы, женщины, не будем сидеть и ждать, когда они придут к нам домой. По крайней мере в этой части слова песни верны.

«Клеопатра» – пароход длиной около ста метров и шириной четырнадцать. Гигантская металлическая глыба, палуба

---

²⁷ Девы Суэцкого канала, мадонны легионеров (*ит.*).

которой возвышается на пять метров над поверхностью воды. Эта тяжелая масса металла поднимается над водой, как крепостная стена. Женский голос не смог бы покрыть расстояние по берегу и воде, а потом подняться и преодолеть эту металлическую стену. Не знаю, как она сделала это, сказал однажды Этторе Хирут. Мы слышали ее, каждый из нас, и у нее был ангельский голос. Вот почему Хирут запускает руку в коробку, сидя на вокзале Аддис-Абебы, вытаскивает ту фотографию и смотрит на оборотную сторону.

Там написано *Le Cleopatra. Carissimi mi mancate. Caro Papa, cara Mamma, sono in Africa*. Мои дорогие, я скучаю без вас; дорогой папа, дорогая мама, я в Африке. Фотография ломкая, пожелтевшая, она давным-давно вырвана из пожухлой газеты и наклеена на неотправленную открытку. Хирут снова переворачивает ее: она видит его, только потому что знает, где искать: он на палубе, смотрит вниз на облаченных в белое людей, которые сосредоточенно гребут по пенящейся воде, их галабеи²⁸ раздувает утренний ветерок. На фотографии он есть, но его и нет. Он одна из неразличимых точек, которые ничем не напоминают человеческих существ. На этой фотографии нет ничего, что намекало бы на будущее этих людей, эти бесформенные фигуры ослеплены светом. Это мгновение принадлежит Марии Уве, а она в центре внимания камеры, этот луч света от Муссолини бросает ее через северные границы Африки, зовет солдат к величию.

---

²⁸ Национальная одежда народов Северной и Центральной Африки.

Глава 7

Кидане выносит из своего пустого кабинета винтовку и бинокль, приказывает Берхе вывести его лошадь Адую и вычистить конюшню, говорит кухарке, что будет отсутствовать несколько дней, а потом, не сказав ни слова жене, которая остается в спальне, уходит вместе со своими людьми. Странная дремота проникает в этот день, замедляет все, окутывает компаунд тишиной. Вот почему их всех притягивает к себе Астер, когда открывает дверь своей спальни, бесшумно идет по коридору и выходит в переднюю дверь. Она стоит там, где стоял на веранде Кидане, на плечах у нее старая накидка, под которой ветер раздувает черное платье. Неестественная тишина искривляется в ее направлении, когда она идет в конюшню, едва посмотрев на кухарку или Берхе. Из конюшни она выходит, ведя под уздцы свою лошадь Буну. Она приближается к воротам и останавливается, и все деревья наклоняются, ветер стихает, птицы поворачиваются, чтобы увидеть, что она сделает теперь.

Я не собираюсь, словно прислуга, ждать его возвращения, говорит она.

Кухарка не встает со своего стула рядом с дорожкой, ведущей во двор, близ того места, где замерла Хирут с грязными подносами в трясущихся руках. Кухарка не двигается. Она заморожена, не может оторвать глаз от женщины у во-

рот: женщина медленно поворачивается и смотрит на кухарку. Их взгляды встречаются, и кухарка отрицательно качает головой. Астер открывает ворота, как сделал это несколько часов назад Кидане, потом садится на кобылу, ударяет ее ногами в бока и скачет галопом по притоптанной дорожке, которая разветвляется на тысячу других. А потом женщина исчезает из виду.

Берхе и кухарка переглядываются, они оба онемели от неожиданности при виде такого беспечного исчезновения. Они заморожены и обеспокоены чем-то таким, чего не понимает Хирут. Берхе отпускает вожжи Адуи и вглядывается в пространство за воротами. Смотрит на пыль, которую поднимает скачущая лошадь.

Что случилось? спрашивает Хирут.

Что она сказала тебе? Кухарка поднимается на ноги и шагает к Берхе.

Берхе отрицательно качает головой, смотрит в ворота, уперев руки в бока. А что всегда говорит эта женщина? вопрошает он. На следующий день они готовят все полагающиеся трапезы и заваривают кофе, словно она может появиться в любую минуту. Когда свет дня клонится к темноте, они стоят в гостиной и смотрят в окно в сторону ворот – Берхе постоянно подходит и открывает их: не видно ли облака пыли, извещающего о ее возвращении. Когда она не появляется к полуночи, они собирают поднос, ставят его на веранде и принимаются есть втроем, прислушиваясь, не раздастся ли

стук копыт.

Куда она отправилась? спрашивает Хирут во второй вечер, когда они устраиваются на ночь в своей комнате, но кухарка ложится, потом недовольно смотрит на нее.

Оставь ее в покое, говорит кухарка. Что тебе до нее? Кухарка оттирает лицо рукавом. И не думай, что я не видела тебя и Кидане. Она укоряюще указывает на Хирут. Она из-за тебя становится хуже, ревнует из-за тебя, и это твоя вина.

Я ничего не делала, говорит Хирут, но кухарка уже повернулась к ней спиной и теперь лежит, накрывшись одеялом с головой.

* * *

Слухи: Тут появилась одна сумасшедшая на дикой лошади, скачет по холмам, она останавливается у каждой церкви и кричит как оглашенная, призывает на землю ангелов земли. Она монахиня, которая превращается в гиену, злой дух, вызывающий о возмездии с вершин голых деревьев. Она императрица Таиту²⁹, воскресшая из мертвых, чтобы сражаться с этими *френджи*. Она безымянный призрак, посланный на землю всемогущим, чтобы проклясть иностранных врагов. Жители деревень собираются у колодцев, забывают о своих тыквенных бутылках, чтобы распространить новости о буду-

---

²⁹ Таиту Бетул (1851–1918) – императрица Эфиопии с 1889 по 1913 год и жена императора Менелика II.

щих встречах с ней. Умываясь или произнося молитву, они прерывают свое занятие, чтобы посмотреть, не появятся ли на горизонте облака пыли. Ходят слухи, из которых начинает прорасти правда: по нашим холмам на лошади цвета пороха скачет Астер, жена Кидане. Это она, облаченная в черное, нарушает наш покой по ночам своими криками. Она призывает нас, приказывает подготовиться к сражению.

Кухарка игнорирует все вопросы, когда они ходят на рынок. Она проскальзывает мимо рук, которые пытаются увести ее в сторонку для частного разговора. Она пожимает плечами, она отрицательно качает головой, она закрывает часть лица, когда ее друзья, слуги из других домов, интересуются, правда ли то, что рассказывают про ее хозяйку, что может оказаться правдой из того, что говорили на закрытых собраниях групп *мехабер*³⁰, правда ли, что призыв к этим женщинам собираться на берегах реки исходит от кухаркиной Астер? От нее? Призывает ли Астер всех женщин собраться завтра у реки? Что планируют все эти женщины?

Она никакая не моя Астер – это все, что отвечает им кухарка.

А потом наступает день, когда Астер возвращается, а кухарка, потеряв дар речи, стоит у ворот, заполненный наполовину пакет со специями, купленными на рынке, выпадает из ее руки, специи просыпаются на землю.

---

³⁰ Широко распространенная в Эфиопии религиозная организация, проповедующая христианство.

Ты, кричит кухарка и, оттолкнув Хирут, устремляется в компаунд. Это ты. Ее голос словно сорвался с цепи, ярость наконец обрела полную свободу. Она указывает обвиняющим пальцем на раздвинутые занавеси окна гостиной, где Астер заключена в яркий блеск стекла.

Астер отворачивается от окна, и вскоре открывается дверь дома. Она выходит в своем черном платье, волосы вокруг ее угрюмого лица не сплетены в косички, торчат как попало. Она покрыта пылью, ее глаза горят неколебимой целеустремленностью: подвижные отблески на поверхности реки.

Ты думала, я никогда не вернусь? говорит Астер. А куда мне идти? Потом ее рот искривляется так, как может искривиться только у нее. Ты могла бы уйти – я дала тебе такой шанс.

Вид у кухарки более усталый, чем за все семь дней отсутствия Астер. С меня хватит, говорит она и опускается на землю рядом с верандой – энергия и воля покинули ее тело. Дай мне деньги и отпусти меня.

Когда мы пришли в этот дом... начинает Астер.

Мы пришли сюда разными путями, говорит кухарка.

Не такими уж и разными.

Кухарка поворачивается к Хирут так, словно видит ее впервые в жизни. Убирайся отсюда.

Дверь конюшни со скрипом открывается, и Хирут бросается к Берхе, который обнимает ее за плечи, и теперь они

вместе наблюдают за двумя женщинами.

Я тебе ничего не могу дать. Он забрал все, ничего мне не сказав, забрал все. Ты думаешь, ты какая-то особенная, потому что устала? Астер говорит с беспомощной яростью. Я продала ковер, который дала мне мать, чтобы купить нам винтовки. Я не собираюсь продавать ради тебя мое свадебное ожерелье. Это все, что у меня осталось, тихо добавляет она.

Кухарка поднимается по ступеням и, наконец, оказывается прямо перед Астер, они вглядываются в лица друг друга, оценивают, что сделали с ними годы. Ты обещала, что, как только сможешь, ты мне дашь то, что мне нужно. Рот кухарки дрожит. В прошлом году ты сказала, что это случится на следующий. Потом ты сказала, на день рождения Тесфайе. У тебя есть Хирут, а я устала. Я хочу найти мою семью, я хочу домой.

Астер берет руки кухарки в свои, ее голос становится мягче. Мир изменился, начинается война. Все мобилизованы в армию, и у тебя нет денег, у тебя нет ничего, кроме меня. Астер смотрит на нее. Переводит дыхание. Ты мне нужна.

Плечи кухарки опускаются, она низко роняет голову, а Астер распрямляется.

Скажи этой девице, чтобы пришла ко мне в гостиную, говорит Астер. Берхе, мне нужно, чтобы ты отремонтировал кое-что. Она говорит мягким голосом, дружеским тоном – так, как обращалась и к кухарке: прежняя Астер вернулась,

она уверена, что ее услышат, что ей подчинятся. Возьми деревянный сундук в кабинете Кидане, говорит она, делая знак кухарке. Ты знаешь, о чем я говорю.

Астер разглаживает на себе платье. И я хочу есть. Потом она возвращается в дом и закрывает за собой дверь.

* * *

У стены стоят две винтовки, их глянцевый металл и светлое дерево сияют ярче любого предмета мебели в комнате. Хирут наклоняется и берет одну из винтовок, быстро оглядывается через плечо, чтобы убедиться: Астер все еще на кухне разговаривает с кухаркой. Винтовка в ее руках холодная и тяжелая, крепкая, как кость. Она неуверенной рукой проводит по ее длинному стволу, задерживается у прицела, у каморы. Ее передергивает, когда она касается спускового крючка – она вспоминает предупреждения отца, потом она останавливает ладонь на гладкой поверхности дерева, прижимает руку к прикладу. Ложе теплое, как кожа. Воспоминание: в тот первый день, когда отец позволил ей прикоснуться к винтовке, он положил руку ей на грудь и сказал: Это жизнь. Потом он положил руку на винтовку и сказал: Это смерть. Никогда не недооценивай ни ту, ни другую.

Хирут осторожно ставит винтовку, и та сама наклоняется, принимая прежнее положение, словно движимая собственной волей. Она уже слышала этот звук прежде – медленное

скрежетание по стене, а потом тишина. Хирут напряженно прислушивается: за голосом Астер, за шагами кухарки, за низким завыванием ветра, ударяющего в окна, она слышит своего отца, Фасила, видит, как он падает к ногам незнакомого человека. Видит, как он обхватывает ноги незнакомца руками, словно молит его вернуть что-то потерянное. Она стоит в дверях их хижины, наполовину окутанная тенью, падающей ей на спину. Ее мать, Гетеи, стоит у нее за спиной, окутанная тьмой, и тихо плачет. Хирут слышит свое имя и поворачивается. В руках у Гетеи винтовка, и она говорит Хирут, чтобы та отошла в сторону. Винтовка направлена на грудь незнакомца. Она тяжело дышит, воздух с трудом выходит из ее тела, царапая внутренности. Отойди, отойди, Хирут, чтобы я могла лучше прицелиться в Чеколе, встань рядом со мной. Потом Кидане берет Чеколе за руки и говорит, аббаба, пожалуйста. Он говорит: Гетеи уже ушла, аббайе³¹. Идем домой, говорит он. Идем со мной, аббаба, говорит он и тащит за собой отца. Мать Хирут перестает плакать. Она ставит винтовку к стене, и та со скрежетом падает. Ее мать оседает на пол, складывается калачиком. Она остается в такой позе, даже когда Хирут опускается рядом с ней на колени. Она остается в такой позе, даже когда отец Хирут вбегает внутрь и говорит: Что ты сделала? Гетеи остается в такой позе, и когда Фасил поднимает винтовку и смотрит за дверь, а потом, не глядя ни на кого, извлекает из винтовки един-

---

³¹ Амхарское обращение к отцу.

ственную пулю.

Хирут с трудом унимает дрожь в руках. Это новое воспоминание, оно выскользнуло из того места, где хранятся забытые события и откуда они возвращаются, чтобы пронзить ее словно свежей болью. Почему плакала ее мать? Что делал ее отец? Она прислоняется к спинке дивана и смотрит в окно. Она впервые поняла, что больше не увидит мать, когда Астер сказала: Будешь делать все, что я тебе говорю. Потом она провела длинным ногтем своего мизинца по щекам Хирут: Ты значишь меньше, чем грязь у меня под ногтем.

Ты взяла одежду, как я тебе сказала? Астер в коридоре, она идет в гостиную.

Хирут спешит к деревянному сундуку и берет блузу Кидане и бриджи.

Дай мне и включи радио. На Астер по-прежнему ее покрытое пылью черное платье, но ее кожа потеряла тот беле-ый оттенок, который придавал ей мрачное выражение. Она задерживает занавеси и удовлетворенно кивает, посмотрев на винтовки. Потом она устраивается на диване, высокомерная, самодовольная, и ждет.

За головой Астер через задернутые занавеси солнце пробивается внутрь. Прямоугольник света придает яркость комнате, вплетает мягкие линии в кудри Астер и подчеркивает кривые линии ее скул. Золотое ожерелье ловит этот свет, и он скользит по комнате, когда Астер двигается. Он задерживается на радиоприемнике, потом исчезает.

Хирут поворачивает черную бобышку, приемник начинает воинственно гудеть и потрескивать. Она продолжает крутить бобышку, пока пронзительная духовая музыка не вырывается из громкоговорителя, заставив Хирут отпрыгнуть от приемника. Потом она опускается на колени перед деревянным сундуком и замирает. Однажды она уже открывала его без разрешения и просматривала содержимое в поисках винтовки.

Тонкий голос пробивается через помехи. Голос скороговоркой приглашает слушателей познакомиться с новой Императорской эфиопской радиостанцией, вещающей из Акаки в Аддис-Абебе. Человек говорит так, будто он только что остановился после долгого бега и теперь кричит в пустую консервную банку.

Они сейчас объявят выступление императрицы Этедже Менен и принцессы Тсехаи, говорит Астер. Слушай ее, слушай каждое ее слово.

Треск и широкая полоса помех заполняют комнату, но потом долгой пронзительной нотой взрываются духовые.

Астер встает. Достань мне оттуда блузу.

Хирут знает, что лежит в сундуке, по тому, чего в нем нет. Она знает это по его размерам. Она знает, что он слишком короток, чтобы вместить то, что она надеялась в нем найти, но в то время, когда она была настолько глупа, что верила, будто некоторые вещи можно вместить куда угодно, она осмотрела содержимое сундука. Хирут открывает защелку и

поднимает крышку. Она вытаскивает то, что, как ей известно, лежит наверху: белую блузу из лучшего хлопка, материя вдоль линии шеи без воротника и по краям длинных рукавов такая тонкая, что почти прозрачная. Она необычайно хорошо сохранилась, все еще поражает своим блеском, материал на ощупь гладкий, как шелк.

Астер снимает с себя платье через голову, бросает его на пол. Она стоит, голая, в комнате, окруженная радиопомехами, ровный яркий квадрат солнца лежит на ее плечах. Она взбивает пальцами волосы, чтобы поднять кудри повыше.

Звук трубы заполняет комнату. Следует долгая пауза, по полу тащат стул, кто-то откашливается, слышен шепот.

Такая штука есть не у каждого, добавляет Астер, показывая на приемник.

Она надевает тунику.

Подол оказывается ниже колен. Плечи ниспадают на руки, которые теряются в рукавах, висящих, как сломанные крылья. Хирут поражена миниатюрностью Астер, изящными очертаниями ее мышц и плоти. Большой и впечатляющей она кажется только в ярости.

Потом быстрый высокий мужской голос:

Добрый вечер, дамы и господа, повторяю, это прямая трансляция из Акаки в Аддис-Абебе. Сегодня одиннадцатое сентября 1935 года [потом по эфиопскому летоисчислению]. Жена нашего императора Хайле Селассие, императрица Менен, сегодня говорит со своим народом. Мы при-

ветствуем тех людей во всем мире, кто нас слушает. Один, два, три.

Астер кланяется в сторону приемника, на ее лице почти-тельное выражение. Достань *сури*, шепчет она.

Брюки лежат в самом низу, под сложенной накидкой из звериной шкуры. Она протягивает их Астер, стараясь не смотреть на приемник. До этого часа приемник был рупором для лидеров, для ряда мужских голосов, ожидающих внутри этой коробки, когда бобышка откроет дверь и выпустит их. Астер натягивает на себя брюки. Ее стройные икры и щиколотки проскальзывают через узкие прорезы бриджей. Они волочатся по полу, тонкая хлопковая ткань вокруг ее ног на-поминает облака.

Ты сегодня не чистила ковер, говорит Астер. Она хмурит-ся и подворачивает штанины на бриджах, а затем и длинные рукава – до запястий. Она поправляет тунику так, чтобы раз-рез был посередине. После этого она замирает.

Начинает говорить женский голос: *Мы благодарны сего-дня за эту возможность быть услышанными женищинами во всем мире.*

Это она, шепчет Астер. Быстро, дай *кабу*.

Мы хотим поблагодарить Всемирную лигу женищин. На-ша возлюбленная дочь Тсехаи переведет наши слова на ан-глийский.

Императрица Менен делает паузу, и на заднем плане за звуками помех и тихого откашливания Хирут слышит дру-

гой голос – более молодой, хрупкий, шепчущий. Она воображает себе принцессу Тсехай – вот она наклоняется, говорит какие-то слова, которые только дочь может говорить матери. Слышны шелест бумаги и движение, потом голос принцессы Тсехай, которая представляет себя слушателям. Говорит она звонким голосом, одновременно застенчивым и уверенным. Она говорит по-английски с элегантными модуляциями, какие Хирут слышала от Астер и ее друзей: эта манерность свойственна ртам, которые непривычны к угодливости. Хирут смотрит на приемник, на большую черную бобышку и подергивающийся индикатор, одержимый голосом принцессы. Она ошеломлена, она пытается понять, как такое возможно: слышать эту женщину и эту девушку так четко из такой дали. Они ближе, чем эхо барабанов, отдающееся от склонов холмов, когда они извещают о важной новости. Они здесь, но их здесь нет.

Мы уверены, что женщины повсюду имеют одинаковое желание – сохранить мир и любовь.

Громкоговоритель в приемнике представляет собой сетчатый свод – словно опутанное сетью солнце. Она так близко, что чувствует теплое гудение приемника, едва ли не ощущает императрицу и принцессу в виде двух плотных световых блоков, вращающихся в каком-то месте, где голоса перемещаются скорее, чем плоть. Где-то там, за лесами, и сеткой, и бобышкой, и стеклом, которое удерживает на месте нервный индикатор, существует женщина царских кровей,

которая покинула свое тело и стала одновременно громадной и невидимой, могущественной, как ветер. Хирут глубоко в своих мыслях, она зачарована и поражена, а потому поворачивается, чтобы увидеть, что происходит, только когда Астер легонько ударяет ее по ноге.

Мы все знаем, что войны уничтожают человечество, и женщины во всем мире, несмотря на все расовые, мировоззренческие и религиозные различия, ненавидят войну, потому что она плодит одно: разрушение.

Астер стоит в сводчатом проходе, облаченная в блузу и бриджи, испачканная накидка из звериной шкуры лежит у нее на плечах. Она ниспадает складками, висит так, что Хирут видит: ее готовили мастеровитые руки, они умело растерли и умаслили ее, чтоб она тесно прижималась к телу и повторяла его формы. Астер перекидывает свою новую винтовку с левого плеча на правое, а ее ноги твердо и уверенно стоят на полу. Она великолепна. Она являет собой устрашающую и потрясающую фигуру, что-то знакомое и одновременно чужое, пугающее и непонятное. Женщина, одетая, как воин, имеющая столь же свирепый вид, что и мужчина.

Война убивает наших мужей, наших братьев и наших детей. Она уничтожает наши дома, разбрасывает по свету наши семьи.

Хирут переводит взгляд с радиоприемника на эту женщину, с ее маленьких ног на ее гордую голову, с ожерелья, которое лежит поверх накидки, на ее красивое лицо. Импера-

трица продолжает говорить устами дочери, а Астер слушает.

В этот час, в такие трагические и печальные времена, когда агрессор собирается нарушить ход наших жизней, мы бы хотели обратить внимание женщин всего мира на то, что их долг – озвучить и выразить солидарность против таких действий.

Астер уверенно переходит в центр комнаты. Она – идеальный баланс, посредством которого непокорный мир удерживается и возвращается на свое место. Астер в воинском приветствии подносит руку ко лбу.

Глава 8

Если смотреть с Красного моря, то кажется, будто Массава поднимается над изнывающим от жары горизонтом, подрагивающим лоскутом белых арок и пыли, пробивающихся через дымы и соль. Этторе Наварра с «Клеопатры» видит, что «Лигурия» пришвартована кормой вперед рядом с «Ганге». Он морщится, когда другой корабль на ходу издает протестующие гудки. Столько дней в спокойных водах, а потом это: шумные пароходы борются за место, рев ослов, висящих над переполненной пристанью, контейнеры с пушками, громко скребущие доски. Множество судов рассеяно по морю, которое ширится и кипит у него за спиной, словно Массава стала местом великого и древнего спартанского сражения.

Пока корабль становится на якорь, Этторе достает фотоаппарат и начинает наводить его на пристань. За его спиной люди сражаются за место у перил. Он слышит голоса Фофи и Марио – они выкрикивают его имя, пытаются привлечь его внимание, но его взгляд прикован к тому, что он видит и слышит перед собой: ко всей белизне зданий этого портового города, высоким и стройным пальмам, горам ящиков и бочек, чернокожим мужчинам в тюрбанах и коротких штанах, выгружающим провизию с кораблей, крикам чаек, летящих навстречу морскому ветру.

Этторе закрывает глаза и думает об их семейном очаге, о седеющих волосах отца, его голове, склоненной над книгой на столе, когда он сидит спиной к окну, выходящему на Венецианскую лагуну, об их доме, окруженном каналами. Нависающая война принесла с собой один из редких моментов в жизни Этторе, когда отец говорил с ним, не скрывая волнения и беспокойства. В полумраке кабинета Лео Наварры Этторе видел на лице отца и остережение, и неодобрение.

Лео сказал: Немногие рождаются, когда им следует родиться. Я очень надеюсь, что это время уготовано для тебя.

Этторе тогда же понял, что это не столько благословение, сколько умолчание, способ отца сообщить о том, чего он не мог сказать: о тех, кому не повезло, о тех, кто родился не тогда, когда им следовало бы.

Это самая выразительная черта Лео, его способ наращивать умолчание, при этом внешне будто бы отталкивая, обнажая его. У его отца была манера говорить таким образом, что смыслы пульсировали на другой, почти не слышимой частоте. Стоя на палубе и чувствуя вес фотоаппарата в руке, Этторе в очередной раз осознает, что он провел все свои годы с самого детства, пытаясь понять то, что нельзя произнести, вызвать зрительный образ мира, который не только погружен в темноту, но и не может существовать без нее.

Он, конечно, никогда не скажет этого Хирут, не скажет даже в те дни, когда судьба забросит их обоих в горы Сыменской долины и один из них будет пленником другого. Вместо этого он показывает ей фотографию – его родители в день свадьбы: его отец, мужественный и неловкий, его мать, робкая и счастливая. Когда она пробует новое слово, которому он обучает ее: *morire*, он просто кивает и повторяет слово. Умереть: *morire*. Я умираю. Ты умираешь. Мы умираем. Они умирают. Умирать. Она говорит ему на амхарском, *Иннате-ина аббате мотевал*. Мои мама и папа умерли. *Мемотех*. Умереть. Она повторяет это слово и показывает на фотографию, и показывает на свое сердце. На этой горе, глядя на Хирут через ограду из колючей проволоки, он, едва освоивший несколько слов амхарского языка – полковник Фучелли лично настоял на том, чтобы он начал изучать этот язык, – не понимает, что она говорит. Он думает, что без соответствующих грубых жестов ей никогда толком не понять значение глагола *morire*. Он показывает на небо, а когда она поднимает взгляд, они видят черную птицу, исчезающую в крупных облаках.

Глава 9

Астер и Кидане спорят во дворе. Рассвет еще не наступил, и на Астер блуза Кидане и его бриджи. На ее плечах толстыми складками лежит, ниспадая до колен, накидка. Она упряма и несгибаема, она не уступает Кидане, у которого опущены плечи и опухли глаза. Их громкие голоса взорвались вскоре после его возвращения поздним вечером. Его появление вытащило из кровати кухарку и Хирут – нужно было приготовить ему позднюю трапезу. Теперь кухарка сидит рядом с ней, неторопливо перебирая чечевицу в миске, они слушают звуки набирающей обороты ссоры между супругами.

Сними, говорит он. Я тебе это сказал, едва только вошел. Это мое право.

Это накидка моего отца. Видишь кровь на ней? Грязная *шамма*³² Кидане соскальзывает с одного плеча. У меня нет времени на пустые разговоры, говорит он, я не спал несколько дней. А теперь еще это. Он тянется к застежке на горле накидки жены. Отдай ее мне.

Я знаю, чья она, говорит Астер.

Берхе переделал для нее одежду Кидане. Под накидкой туника, отвечающая размеру ее хрупких плеч, с укороченными рукавами, с обрезанным и подшитым подолом. Он пе-

---

³² Накидка (*амхар.*).

ределал брюки под ее икры, слегка расширил на бедрах, и теперь они красиво обхватывают тонкую талию Астер. Одежда изящно сидит на ее фигуре, подчеркивая мягкие линии тела.

Кухарка отставляет миску, оттирает руки о платье. Как долго они могут этим заниматься, шепчет она, глядя на препирающуюся супружескую пару. Завтра столько дел.

Они уже достали из кладовки все приправы, бобы и зерно, распределили их по маленьким мешочкам. Они уже подготовили связки шарфов и одеял, купленных соседями, – связки эти достаточно легкие для переноски. Они заполнили бесчисленное число кувшинов водой, чтобы пить на марше. Кухарка приготовила столько еды, что можно было бы накормить всех гостей на богатой свадьбе, но этого хватит им всего на несколько дней. Они работали без перерывов, но еще предстоит принять некоторые решения о том, что оставить и что Астер предстоит отдать на расхищение бандитам или итальянцам.

Это накидка моего отца, говорит Кидане. Ты уже погубила мою тунику и брюки. Снимай накидку.

Она носила эту одежду последние пять дней, снимала только на ночь, когда возвращалась из своих поездок, а накидку клала себе в ноги, ложась спать в черном платье. Хирут трудно разглядеть это в темноте, но она знает, что Астер обвела веки сурьмой, как делала это каждое утро, до того как пропала на несколько дней, и еще она знает, что Астер сплела свои отрастающие волосы в тугие плоские косички.

Нет. Я заслужила это право, говорит она.

Кидане издевательски смеется. Право? Кто дает тебе право брать то, что принадлежит мне? Он проводит пятерней по своим растрепанным волосам и опускается на корточки, обхватывает колени руками. Он сидит так, глядя в раздراженной тишине на сад.

У меня есть это право, Кидане. Она опускает на него глаза. Кто, по-твоему, подготовил все эти припасы для твоих людей? Кто закупил для тебя шарфы, одеяла и воду? Она замолкает, чтобы проглотить слюну. Я заслуживала это право долгое-долгое время.

Недавно прошел дождь, и воздух налит влагой. От этого последние слова Астер повисают в пространстве между супругами, словно сорванные ветром листья в поисках покоя.

Что такого она заслужила, чего не заслужили все мы? бормочет себе под нос кухарка. На чьих плечах лежит вся работа?

Мой отец истекал кровью на этой накидке, а ты глумишься над жертвой, которую он принес стране. Кидане вскакивает на ноги и тычет пальцем ей в лицо. Он в ярости, в опасной близости от того, чтобы наброситься на нее.

Я тоже истекала кровью без нужды, говорит она и подходит на шаг ближе к нему, словно собирается положить голову ему на грудь. Она говорит тем ровным, тихим голосом, каким заговорила с того часа, когда облачилась в эту одежду. Тем же тоном она приказывала вчера Берхе открыть ворота,

чтобы она могла уехать до рассвета. Тем же мягким голосом обращалась она к кухарке, когда сказала после возвращения: Почему ты никогда не сядешь рядом и не поешь со мной, как мы это делали молодыми? А для Кидане она добавляет: Ты думал, я позволю тебе забыть?

Она никогда никого не видит, кроме себя. Кухарка вдавливая кулак в бобы. Вещи не меняются только оттого, что ей так хочется.

Кидане отрицательно качает головой. Ты, говорят, была в горах с Бундой, ты пытаешься сама провести мобилизацию. Он наклоняется к ней, и теперь их лица располагаются чуть не вплотную друг к другу. Не можешь же ты быть такой глупой.

Астер разглядывает мужчину перед ней. Наконец она говорит: Я делала то, о чем меня просила императрица и все остальные женщины этой страны. Разве нам тоже не следует что-то делать? Или это только твоя страна? Я купила тебе две новые винтовки. Кухарка приготовила дополнительные лекарства. Другие женщины приводят еще ослов, приносят корзины. Разве это не то, что тебе нужно?

Новые винтовки? Откуда?

Маузер, моя винтовка, с которой я пришла к тебе, когда мы поженились, говорит Астер. Где она? Отец учил меня стрелять из этой винтовки. В прошлую войну моя мать делала для нее патроны. Отдай ее мне.

Кухарка покачивает головой и тихо смеется. Видишь, го-

ворит она Хирут, он и у нее винтовку забрал.

Кидане поднимает руку, собираясь ударить жену. Я давно тебя не бил, но теперь сделаю это.

Она хватает его руку и прижимает ладонью к своей щеке. Сделай это, говорит она, ее голос становится громче. Я заслужила эту накидку, ты не можешь отказать мне в этом, ты не можешь сказать мне, что забыл обо всем, не можешь сказать, что ничего этого не было. Я заслужила накидку, вот почему ты все еще спишь в одной кровати со мной, вот почему ты любишь меня, вот почему ты возвращаешься после всех тех других, о которых, как ты думаешь, я не в курсе, потому что ты знаешь, кто твоя жена. И ты даже не спросил меня про могилу нашего сына. Я была там, я три ночи спала на этой могиле без тебя, одна. Ты даже не помнишь, что у него был день рождения, его второй день рождения. Ты даже не мог вернуться, чтобы видеть, как он умирает. Ты встречался со своим императором, потому что это было важнее. Я тогда одна ходила в церковь, стояла на коленях, умоляла бога сохранить ему жизнь. И в день его смерти я точно так же была одна. Я заслужила эту накидку, я не отдам ее тебе. Ударь меня. Давай, ударь и увидишь, что я сделаю.

Она замолкает, облаченная в темно-синие сумерки раннего рассвета, у нее перехватывает дыхание.

Кидане берет ее лицо в ладони и приближает к своему. Он говорит тихим голосом, но весомо: Ты можешь сколько угодно оплакивать прошлое, но эти итальянцы уже у наших

границ. Бога ради — выражайся воином, только это ничего не изменит. Ты будешь прислуживать моим людям так же, как кухарка прислуживает тебе. Ты будешь примером для других женщин. Ты будешь исполнять мои приказы. Ты будешь носить моих раненых и хоронить моих мертвецов. Ты будешь заботиться о тех людях, которые доверили мне вести их в бой, о тех, кто готов умереть за меня. Ты будешь выходить и делать это раз за разом, пока я не велю остановиться. Все, что я должен кому бы то ни было, переходит моим людям. С этого момента и до дня моей смерти.

Кидане роняет руки, поворачивается на каблуках и уходит в дом. Вскоре в его кабинете загорается свет.

* * *

Сначала эта фигура появляется, как точка, между двумя линиями горизонта, вихрь ветра и пыли, скользящий по долине. В том, что видит Хирут, ничто не напоминает человека, бегущего с такой скоростью, что сердце готово разорваться. Нет ничего, что говорило бы о плоти и костях, которые соединяют тело с землей. И потому Хирут, наполняя кувшины водой у колодца, только смотрит с любопытством, пока фигура не приближается.

К тому времени, когда он рядом с ней, он дышит так, что не может сказать ни слова. Он стучит себя по костлявой груди и показывает на дом. Наконец он спрашивает: Деджазмач

Кидане, где он? Он тощий и голодный, похож на ревностного священника. Он сгибается пополам, кашляет. Где он?

Он ушел сегодня утром со своими людьми, говорит она. Потом добавляет: Они проходят подготовку.

Потом они слышат барабаны, низкие, громкие, настойчивые удары, которые рикошетом от долины устремляются в небо, чтобы затихнуть между тем и другим. Барабанный бой какой-то усеченный, удары разнесены и нарастают по силе, и Хирут решает, что они передают некое послание, расшифровать которое она пока не в силах.

Иди домой, говорит он. Если увидишь его раньше меня, передай, что Ворку ищет его, это срочно.

До нее доносится еще одна барабанная дробь, на сей раз такая громкая, что кажется чудовищным ревом в вихре многоголосого эха.

На узком лице Ворку выражение безумной паники. Передай, веизеро³³ Астер, и всем остальным, чтобы уходили в горы. Присоединяйтесь к войску – они вас защитят. Найдите людей Кидане. Поспешите. И не забудь передать, что об этом тебе сказал я – Ворку. После этого он разворачивается, несется назад вверх по склону и исчезает из виду.

Она бросается к дому, подгоняемая громоподобным звуком.

Я слышала, но не могу поверить. Это правда? Астер широким шагом идет по компаунду, на ней по-прежнему на-

---

³³ Госпожа (амхар.).

кидка и бриджи, она заходит в конюшню, потом появляется во дворе. Мы должны сообщить ему! кричит она. Мы должны найти способ известить его. Они здесь! Они пересекли границу.

Сердце Хирут бешено колотится. В голове слова, которые она не может прогнать: Война уже пришла, война уже пришла, *фхеренджи* наступают. Она стоит во дворе, смотрит, как крутится и зовет мужа Астер.

Это правда? Кухарка выбегает из кухни, вытирает руки о платье. Она подбегает к Хирут, встряхивает ее. Она правду говорит? Ворку приходил?

Хирут кивает, моргает от солнечного света. Она, возвращаясь сюда, пробегала мимо испуганных групп мальчишек и девчонок, мимо торговцев, спешивших с рынка, мимо детей, мчавшихся по домам, мимо женщин, которые бросали свои дрова и тыквенные бутылки для воды, сохи и палки и спешили в свои хижины. Она пронеслась мимо стариков с пиками и винтовками, бежавших в сторону гор, где Кидане готовит своих людей к войне. Она миновала парней и девушек, спешивших к реке со своими рогатками. Ворвавшись в компаунд, она увидела Берхе, который стоял с широко раскрытыми глазами и смотрел в ворота: в одной руке он держал ржавое копьё, в другой – посох, готовясь отразить нападение.

Мы должны поспешить к нему, говорит Астер, беря кухарку под руку. Она оглядывается, скользит рукой к ладони

кухарки, сжимает ее пальцы. Началось, говорит Астер, сплетая свои пальцы с пальцами кухарки. Ты остаешься. Голос ее становится ровнее. Она теперь смотрит на другую женщину твердым взглядом. Ты обещала – помнишь тот день? Ты мне нужна здесь. И внезапно лицо ее крошится вокруг появившейся мысли. Не жди от них хорошего отношения. Потом она поворачивается к конюшне. Мы должны быстро собраться и уйти.

Я подготовлю Буну, но ехать на ней нельзя, земля после дождя слишком влажная, говорит Берхе.

Сухая, кричит через плечо Астер, спеша в кабинет Кида-не. Она сухая, иначе эти *френджи* не смогли бы попасть в нашу страну. Она не влажная. Подготовь Буну.

Потом кухарка вытаскивает корзины и мешки на веранду, и Хирут идет из кухни, согнувшись под большим мешком зерна.

Они пересекли границу, потрясенно повторяет Астер. Значит, война здесь.

Интерлюдия

Время сгнуло, осталось теперь только одно: вторжение. Хайле Селассие перечитывает телеграмму и устремляет взгляд в ошарашенное лицо своего советника. Ему вовсе не хочется спрашивать: Каким образом? Он не может заставить себя сказать: Вот так просто? Он может только посмотреть на клочок бумаги и сказать: Река Гаш – по ней сорок лет

назад Менелик³⁴ провел границу с Эритреей. Именно это и вспоминает Италия, когда размышляет о своем поражении сорокалетней давности. Он думает: Мой отец взял меня на эту реку и показывал на нее с гордостью, а еще напомнил мне, что некоторые называют ее Мареб. Я когда-то был маленьким мальчиком, который стоял на ее берегу, смотрел на коричневые воды, скучал. Он поднимает взгляд, складывает телеграмму, загибает и разглаживает кромки.

Оставь нас, говорит он.

Он поворачивается лицом к окну и смотрит, как солнце отталкивает в сторону темноту. Он знает реку Гаш. Он знает, что это незначительный водный поток, который начинается близ Асмары и протекает по границе Эфиопии. Его длина четыреста километров, но Гаш отнюдь не Нил. И не Красное море. Это даже не какой-нибудь важный приток, связывающий торговые маршруты и соединяющий города. Это ничто. Не более чем журчащий ручеек в сезоны дождей. Это сорокалетней давности демаркационная линия, проведенная императором Менеликом и разделяющая Эфиопию и Эритрею. Но это слабая линия, цена ей не больше чем цена грязи по ее берегам. Это ничто, убеждает себя император, пытаясь поверить в собственные мысли и глядя на то, как рассвет пробивается сквозь черноту ночи. Это ничто.

Перед дверью кабинета стоит охранник, который поклял-

---

³⁴ Менелик II (1844–1913) – император, «царь царей» Эфиопии (Абиссинии) в 1889–1913 годах.

ся своей жизнью защищать императора. Его жена ждет в их комнате, молится. Его советники в зале совещаний собирают информацию. Он один, и здесь никого нет. Но сегодня третье октября 1935 года, и в пять часов утра этого долгого дня Де Боно³⁵ вторгся в Эфиопию, форсировав реку Гаш. Сейчас пять двадцать, и три его колонны вот уже двадцать минут идут маршем по земле императора. Поступают сообщения о сброшенных с самолетов листовках, которые призывают его народ к восстанию против него. В этих листовках говорится, что настоящий император Эфиопии – Иясу³⁶, его родственник. А его, императора Хайле Селассие, в тех же листовках называют самозванцем и вруном. По всей стране его подданные выходят из домов и собирают эти бумажки, разбросанные, как сорные семена. Война пришла. Прокралась. Она приближается к нему даже без формального объявления. Унижение в виде толстокожего, жирного агрессора. Он сжимает императора в своих ручищах, и тому трудно дышать.

Фото

---

³⁵ Эмилио Де Боно (1866–1944) – итальянский военный деятель, маршал Италии, с апреля 1935 по ноябрь 1935 года командующий войсками в Восточной Африке. Руководил военными операциями итальянской армии в Эфиопии.

³⁶ Иясу V (1895 или 1896 – 25 ноября 1935; имя соответствует имени Иисуса Навина) – эфиопский император в 1913–1916 годах, отстранен от власти в результате заговора, с 1921 года находился под стражей. Убит (вероятно, по приказу Хайле Селассие) в ноябре 1935 года.

Половина его облаченного в военную форму тела не уместилась в кадр, а потому никто никогда не узнает, что в своей невидимой руке Этторе тоже держит фотоаппарат. Но фотожурналист наводит объектив на бесконечные колонны других солдат, идущих за Этторе, их взволнованные лица светятся под касками. Все машут на камеру и щурятся, солнце зажигается прозрачными пузырями над их головами. У всех у них ранцы и винтовки, толстые ремни патронташей перекрещены на груди. Они само воплощение юности и серьезности, их жестокость пока скрыта энтузиазмом и терпением, не видна под ликующими заголовками. На оборотной стороне фотографии Этторе крепкими печатными буквами написал свое имя и добавил: *l'invasione*³⁷. Потом стоит дата: 3 ottobre 1935, XIII. Следом идет едва видимая, полустертая карандашная надпись, сделанная его рукой: *Guerra*³⁸!

Газеты сообщают, что сто тысяч *френджи* форсировали реку Марерб в предрассветной темноте 3 октября 1935 года. Что они двинулись маршем в три колонны: пехота, за которой шли мулы, потом строительные рабочие, потом грузовики с припасами. Газеты сообщают, что в небе летели самолеты и разбрасывали листовки, призывавшие жителей к мирной сдаче, после которой к ним будут относиться как к союзникам. Газеты сообщают, что солдаты дошли до Аксума и заняли город без единого выстрела. Им приятно писать, что

---

³⁷ Вторжение (*ит.*).

³⁸ Война (*ит.*).

все командиры эфиопской армии подчинились своему императору и позволили *ференджи* пройти глубоко в суверенную землю, символ итальянской агрессии. Они заявляют, что после сорока лет унижения Адуа наконец была гордо захвачена итальянцами пятого октября 1935 года и эта маленькая, неприметная деревня встречала захватчиков со склоненными головами и криками приветствия.

Так было написано, а потому так оно и запомнилось. Но Хирут, которая сидит на вокзале и перемещается, чтобы подольше оставаться на слабеющем предвечернем свете, знает, что, когда эти хищные *ференджи* пересекли реку Гаш, чтобы двигаться дальше на Аксум, три колонны разделились, единая линия была разорвана и в эти пространства стали просачиваться эфиопы, начавшие сражаться. Потому что газеты и воспоминания не сообщили, что невозможно привести сто тысяч человек в страну стройными рядами. Невозможно отправить многие сотни ослов, грузовиков и рабочих вслед за армией так, чтобы с ними не случилось ни одного происшествия. Потому что сто тысяч человек, как бы они ни жаждали захватить эту прекрасную землю, никогда не могут числом сравниться с количеством эфиопов, намеренных сохранить свою страну свободной, независимо ни от какой математики.

Глава 10

Кидане вырывает из первой страницы газеты статью с ее бесстыдным заголовком и фотографией, подносит поближе к глазам. На фотографии итальянская армия подана как единая масса камуфляжа и стали. Вторжение, о котором объявляет статья, представляет собой продуманный спектакль для показа, для демонстрации, для подачи в качестве видимого доказательства мощи хвастуна. Кидане смотрит вниз по склону холма, где разбит его лагерь, разглядывает ряд хижин, все еще спокойных в тумане раннего утра. Эфиопы – воины, но им сказали, чтобы они не оказывали сопротивления, когда эти итальянцы пересекут границу. Император приказал им впустить врага, чтобы мир видел, какая страна здесь агрессор. Таков приказ Хайле Селассие. Но в войне своего отца, той войне, сражаться к которой готовился Кидане, агрессор встретил бы немедленный отпор. Враги падали бы, сраженные пулями и копьями, их кости были бы переломаны руками мстителей. У них не было бы времени бомбить Адуа и Адиграт, убивать женщин и детей.

Кидане сплевывает пыль, скопившуюся у него в горле. Его от врага отделяют почти триста километров, но итальянцы со своими колоннами техники и артиллерией вскоре будут здесь, если их не остановить. Аклилу и другие его люди уже ведут наблюдение за районом, готовясь к тому, что им очень

скоро придется делать. Они невидимы за большими камнями и кустарником, редкими группками деревьев, растущих на этих пологих склонах. Внизу под ним идет старуха, опираясь на посох, другая ее рука лежит на плече девочки в рваной, длинной, как платье, рубашке. Не объяснить кому-то вроде нее, что в этой стране есть теперь большая территория, которая предположительно больше никому не принадлежит, полоса земли, называемая ничьей, которую не может востребовать ни царь, ни фермер, земля-призрак между двумя границами, открывающая, словно болезнь, дорогу к смерти.

Кидане знает, что итальянцы объявят о своей первой победе в Адуа, городе, в котором они потерпели первое поражение, когда воевали с поколением его отца. Они попытаются переписать воспоминание о том сорокалетней давности дне в 1896 году, когда их поставили на колени, а потом заставили лечь ниц перед эфиопскими воинами. Теперь Адуа пришел конец, пришел конец этому месту, которое более чем место. Они пришли, чтобы переписать историю, изменить память, воскресить своих мертвецов, сделать из них героев.

Кидане снова смотрит на фотографию. Солнечные лучи на группе людей за передовой частью колонн. Это *ascari*³⁹, те солдаты из Эритреи, Сомали, Ливии и даже Эфиопии, которые сражаются за итальянцев. Даже в этом слабом намеке на движение легко увидеть их поразительное изящество и но-

---

³⁹ Солдаты колониальных войск; ед. число *ascaro* (*ит.*).

венькую, с иголки форму. Новые винтовки и патронташи. Кидане замирает. Когда придет время, его люди смогут рассчитывать на скорость и свое знакомство с районом вокруг Гондэра. Они могут рассчитывать на благосклонность жителей. Они могут полагаться на живущих в пещерах монахов, могут требовать помощи от тех затворников, которые принесли обет воздерживаться от контактов с другими людьми. Но только мастерство и неожиданность могут помочь Кидане и его людям в сражении с ascarí, которые знают эту землю не хуже, чем они, которые могут привести к повиновению жителей и монахов и могут в той же мере, что и люди Кидане, использовать дождь и туман к своей выгоде. К нему приближается Аклилу и показывает на узкую тропинку за ним, которая и привела их на это плато близ Фогеры. Кидане показывает в противоположном направлении. Аклилу понимает. Они не могут воспользоваться ничем, что имеет хотя бы малейшее сходство с тропинкой. Каждый их шаг с этого момента должен быть стерт, их присутствие должно стать невидимым для врага, который так же расчетлив, как они.

* * *

В руках Кидане послание от кого-то, кто называет себя Феррес, и этот Феррес сообщает то, что Кидане уже и так известно: Адуа захвачена. Но еще там говорится, что в Максегнит – это близко к тому месту, где расположилось его

войско, — ожидается прибытие колонны с техникой, а также будет разбит итальянский лагерь. Вскоре их колодец будет отравлен. В послании сказано, что он должен приготовить атаку на итальянцев, пока те еще не обустроились. Ему предписывается защитить трех сестер и братьев, которые собираются проникнуть в новый лагерь и залить яд в колодец. Также сказано, что он должен атаковать *ференджи* так, как если бы получил приказ от самого императора. Кидане смотрит на молодого курьера: это просто тощий, длинноногий ребенок, со щербиной между большими передними зубами.

Кто такой этот Феррес? Откуда у тебя это письмо? Кидане крутит в руке послание, но ничто не указывает ни на его автора, ни на происхождение. Это просто клочок бумаги.

Мальчик показывает вниз по склону холма. Его дал мне Бирук, слепой ткач, говорит он. Мне сказали, что я должен пойти к нему.

Слепой ткач? Тот, кто делает все эти ковры? Знаменитый ткач обучает других слепых — мужчин и мальчиков, а потом уходит в высокогорье и Эритрею, где продает их только благородным семьям. Астер много лет назад купила такой ковер. Кидане часто сидел на пухлой шерсти, держа на руках сына, он смотрел на отцовский меч и щит и повторял истории о мужах, которые жили до него.

Мальчик кивает.

А почему ты? Почерк четкий и аккуратный, так пишут образованные священники, люди, которые не делают ничего

другого, только пишут на клочках бумаги размером с ладонь мальчика.

Все знают, что я лучший бегун в этом районе. Курьер говорит с уязвленной гордостью.

Кидане снова переводит взгляд на послание. У итальянцев есть рации и телефоны. У него — этот мальчишка и клочок бумаги. Кидане смотрит над плечом мальчика на Аклилу, который с тревогой поглядывает в его сторону. Под этим плато Сеифу и остальные его люди ждут приказа.

Каждому из подчиненных ему командиров он приказал разделить своих рекрутов на группы по десять бойцов. Всего их около семидесяти. Слишком мало, чтобы противостоять армии, но достаточно, чтобы в засаде дожидаться какой-нибудь вражеской части. Большинство из них вооружено старыми винтовками и копьями, лишь у немногих винтовки поновее, ни у кого нет патронов, только у Аклилу в патронташе. Они исполняют любой его приказ, бросая вызов самому императору, потому что поклялись в верности Кидане. Он должен беречь их так же ревностно, как и эту землю, пока не придет время рискнуть всем.

Скажи своему ткачу, что я ответил нет, говорит Кидане, кивком отпуская Аклилу и Сеифу. Скажи ему, что я не подчиняюсь приказам императора. Иди. И будь осторожен. Он отдает мальчику честь и разворачивается, чтобы спуститься по другому склону крутого холма и проверить копыта Адуи — годятся ли они для утоптанной земли.

Почва подсыхает. Ничто теперь не может замедлить наступления итальянцев. Дождливый сезон закончился. Пролетает птичья стая, медленно парит в спокойном небе. У основания холма он останавливается и смотрит в сторону Гондэра и Годжама, в сторону границы с Эритреей и реки Гаш, пытается представить все долины и фермерские угодья между тем местом, где стоит он, и тем, где итальянцы разобьют лагерь. За его спиной слышится негромкое ворчание его людей, направляющихся к своим палаткам. Где-то в невидимой дали в Форт-Балдессари виден силуэт наблюдательной башни с плоской верхушкой. Там расхаживает итальянский часовой, черная точка под теми же лунными лучами, которые сейчас падают на его лошадь. Кидане поправляет на себе *шамму* и разрывает рукой нити пыли, поднимающейся перед ним. Потом он дает пыли осесть в слабом свете затянутой облаками луны. Бесполезно провозглашать, что даже малейшее зернышко песка принадлежит Эфиопии. Он гладит шею Адуи и прислоняется к ней головой.

Фото

Кухарка: плотная фигура в длинной абиссинской рубахе стоит, склонившись над большущим котлом. В правой руке у нее поварское весло. Левой рукой она держится за край котла, слегка наклоняет его в сторону своих полусогнутых ног. Она становится на корточки, подол ее платья шатром ложится на землю, грубые очертания ее толстых ног почти

видны под материей. Она прищуривается на ярком солнце, шея ее выгибается, словно она хочет спрятаться от объектива. Она сутулится, словно попала в силки. Она хмурится так, как умеет только она, и это выражение ее лица умеют растолковать только те, кто знает ее: рот – прямая линия, глаза опущены, подбородок выставлен, словно она напрашивается на удар. Она держит поварское весло за ручку близко к лопасти, и именно это показывает Хирут истинную степень паники, охватывающей ее, когда фотокамера смотрит в ее сторону.

За ее спиной на корточках сидят люди, их коротко стриженные волосы начинают курчавиться. Они подобны горному хребту, поднимающемуся за плечами кухарки. Судя по длине их волос, войне не более нескольких недель и худшее для них еще впереди. Там сидит Гетачев, еще без шрама, который появится у него около глаза. Там сидит Эскиндер, у него пока податливая, необожженная кожа. Рядом с ними Сеифу и его сын Тарику. Сеифу чуть отвернулся, он еще не догадывается о своих грядущих скорбях. Он единственный смотрит на кухарку, единственный, кто повернулся в ее сторону с сочувственным выражением. Он уже давно отказался от своего угрожающего вида и смотрит на нее с выражением отцовского покровительства. За ним сидит Аклилу, он наклонился вперед, тогда как остальные сидят с прямыми спинами. Он не боится демонстрировать свое недовольство, не стыдится собственного любопытства. Тот самый свет, кото-

рый уменьшает кухарку, привлекает взгляд к нему. Он смотрит так, словно хочет броситься в атаку, словно понимает слабость фотоаппарата. Словно уже знает различие между тем, что видят и что есть на самом деле. У него единственного рот с одной стороны кривится в улыбке и одновременно в насмешке.

На оборотной стороне штамп фотографа, выцветший за годы. По этому району бродило несколько фотографов, они делали снимки, обменивались ими друг с другом. Этторе написал: *Una schiava abissina*, абиссинская рабыня, но это не его фотография. Он никогда не видел кухарку, Аклилу, Тарику и Сеифу одновременно. Ему никогда не была дарована честь стоять перед этими великими воинами в полной и безусловной безопасности. Он не смог бы сделать эту фотографию и уйти живым.

Глава 11

Хирут находится рядом и потому хорошо видит, как мальчик бежит по хребту горы: его ноги – крылья, его грудь – вместилище реберных костей и тяжелого воздуха. Под предвечерним солнцем, которое начинает скатываться вниз, он появляется сначала звуком: хруст ветки, скольжение ноги по камню, свист, пронзающий мягкий оранжевый свет. Он – летучий мираж, несущийся по неровностям холмов, избегая крутых склонов, его поверхностное дыхание затрудняется плотным ветром.

Кидане уже близко, говорит Астер. Это курьер, добавляет она.

Теперь Астер поспешит занять место сзади, как делала это в течение двух дней их перехода. Она будет торопить женщин, несущих воду и одеяла. Она может даже подставить плечо под тяжелую связку дров. Она будет уговаривать их не сбавлять скорости, от которой они истекают потом, а во сне жмутся друг к дружке; им хватает сил только помолиться перед сном, и, улегшись, они закрывают глаза, защищаясь от яркого солнца.

Они шли по ночам, чтобы их не увидели с самолетов, которые начали облетать гребни гор и пикировать в долины. Они прятались в пещерах, притулялись к основаниям высоких камней и плотно растущих деревьев. Они изо всех сил

старались спрятаться от этих сверкающих больших окон, пу-
гающих, как открытые глаза Сатаны. Астер сказала, чтобы
они не боялись. Призывала быть храбрыми. Земля защитит
нас, все время повторяла она им, Каждый камень будет к на-
шим услугам, все реки будут течь в нашу сторону. Не оста-
навливайтесь, сестры, поднимите головы, распрямите спи-
ны, двигайтесь, как двигались когда-то наши матери, когда
так же отправились на войну.

Женщин около пятидесяти, некоторые из них родствен-
ницы и слуги тех, кто поступил в войско Кидане. Среди них
есть молодые и старые, некоторые из них знают более одного
языка этого района. Они забыли обо всем, кроме самой важ-
ной своей способности: носить то, что не может двигаться
само, брать груз на плечо и тащить его. Они делали это без
жалоб, выполняли приказы Астер, словно и не представляли
себе, что могут делать что-то другое. А вот кухарка не смо-
гла удержать свои мысли при себе.

Эти рабыни не понимают, что не обязаны делать то, что
делают? спросила она сердитым голосом, который никак не
хотел понижаться до шепота. Мы ничего не обязаны делать,
мы больше не хотим ничего делать. Давайте разойдемся, по-
вторяла она снова и снова. Но лица, смотревшие на нее, бы-
ли скорее испуганными, чем сердитыми, скорее смиривши-
мися, чем воодушевленными ее непрерывными призывами
спуститься по склону и никогда не возвращаться.

Берхе – единственный взрослый мужчина с ними. Он

несет корзину кухарки с лекарствами и бинтами, пытается скрыть свое прерывистое дыхание, периодически покашливая. Вплотную за ним идут женщины с носилками и одеялами, шерстяными шарфами и пищевыми припасами. Они будут переносить раненых, хоронить мертвых и кормить войско Кидане. Еще дальше идут те, кто подбирает упавшие вещи, они вооружены копьями и щитами и служат для остальных охраной, они к тому же упрямо настаивают на своем праве сражаться бок о бок с Астер, когда та в бою присоединится к мужчинам.

Астер показывает на женщин, идущих сзади. Мы должны добраться до них еще засветло, говорит она, потом обращается к Хирут. Пойди посмотри, что там наверху.

Хирут идет вперед, карабкается по склону со всей скоростью, на какую способна, прислушивается. Близ последней петли вокруг горы она ощущает сильный запах гаснущего огня. Хирут останавливается. Шаги за спиной стихают. Подступает тишина. Она поворачивается и с удивлением видит Астер, которая опережает ее. На всем протяжении подъема она не слышала, что Астер идет сзади.

Жди здесь, шепчет Астер.

Хирут не производит ни звука, а потому слышит шумы, которые расцветают только по ночам, она настолько неподвижна, что чувствует прикосновение ветерка к своей коже: влага рассеивается, поднимается сухой ветер. Наступил сезон, следующий за сильными дождями, за развязшими доро-

гами, утопающими в воде тропинками, которые все эти месяцы и сдерживали наступление врага. Хирут чувствует холодок, который щекочет ей загривок и по плечам сползает на руки. Ее пробирает дрожь. И именно эту дрожь слухи ошибочно примут за ответ на голос Кидане: Кто там?

Кидане выходит из тьмы и протягивает руку: выражение на его лице можно истолковать как облегчение или смущение, а может быть, как будут говорить впоследствии некоторые, даже любовь.

Маленькая, говорит он. Ты теперь начальствуешь над нами?

Хирут, подняв на него глаза, не обращается к нему по военному званию – *деджазмач*, не использует она и вежливое обращение *гаши*, не позволяет она сорваться с языка и более формальному *ато*. Она так рада завершению этого ужасного путешествия, в котором можно было сорваться с высокой скалы или попасть под пули, выпущенные с самолета, что у нее с уст срывается то слово, которым с детства называла этого человека ее мать.

Киду, говорит она, и когда он улыбается, она хватается за руку и делает этот роковой шаг навстречу. Это движение настолько естественно, оно дается ей так просто, что никто из них не замечает спешащую к ним Астер.

Ты здесь. Голос Астер перехватывает.

Кидане отстраняется от Хирут и смотрит на приближающихся женщин, он прикидывает их число, когда они в абсо-

лютной тишине собираются вокруг. В темноте их длинные белые платья излучают нежную, кремовую белизну.

Мне нужно найти для них место, говорит Кидане. Я беспокоился о вас, добавляет он. Он достаивает Астер мимо-летнего объятия. Она поднимает лицо, он опускает свое, и Хирут смущенно отворачивается.

К нему подходит кухарка, поворачивается спиной к Астер. Я ухожу, говорит она. Она делает глубокий вдох. С меня хватит. Скажите ей. Я сдержала обещание, добавляет она.

Хирут чувствует теплый мускусный запах, исходящий от другой женщины и включающий ароматы куркумы, чеснока и едкой сладости, – Хирут подозревает, что последнее может быть старыми духами Астер, пузырек которых пропал несколько недель назад. Хирут быстро переводит взгляд на кухарку, словно читает ее мысли, кухарка отворачивается. Берхе подходит к Хирут, хмурится.

Астер не может скрыть удивления. Она идет к кухарке, приунывшая и недовольная. Что она сказала? спрашивает она. Астер обращается к другим женщинам. Найдите себе место для ночевки, лагерь здесь рядом. Потом снова переходит к кухарке. Что она сейчас сказала?

Кидане обнимает кухарку за плечи. Я знаю, какая она, говорит он. Но сейчас неподходящее время.

Кухарка отстраняется от него. За ее ошибки я заплатила больше, чем с меня причиталось. Ты еще увидишь, что она сделает, ты увидишь, что она сделает вот с этой после меня.

Кухарка показывает на Хирут.

Она хочет забыть об этом, но я ее спасла, говорит Астер. Она все время пытается забыть.

Кухарка тихо замечает: Меня там вообще не должно было быть.

А какой у меня был выбор?

Словно никто другой не страдал больше. Кухарка складывает руки на груди. Я ухожу.

Ты остаешься, говорит Астер.

Берхе берет кухарку за руку, подносит ее ладонь к своей щеке. Этот жест умиряет гнев кухарки. Она быстро моргает, чтобы не дать воли слезам. Глаза у нее влажны, полны боли, какой Хирут не видела никогда прежде.

Сюда. Берхе показывает на поворот тропинки. Идем со мной. А без меня ты все равно не сможешь уйти.

Я ухожу, и ты тоже уходишь, говорит кухарка, но идет за ним.

Хирут, говорит Кидане, иди помоги другим женщинам. Он притягивает к себе Астер, и они начинают разговаривать в быстром темпе, взволнованными голосами.

Хирут идет в ту сторону, куда ушли Берхе и кухарка, и вскоре видит их – они сидят на большом камне спиной к ней. Они сидят, наклонившись друг к другу, рука кухарки все еще в его руке, они тихо разговаривают. Хирут откашливается и окликает их, но они делают вид, что не слышат. Она стоит сама по себе, смотрит на их силуэты, одинокая и смущенная.

Потом она отправляется на поиски других в лагере.

Хор

Они тащили кухарку за волосы вниз по грунтовой дороге. Вот все, что она позволит нам сказать: они тащили ее за волосы, а юная Астер рыдала, стояла на коленях и умоляла отца перестать, пожалуйста, перестать, она не виновата, это была моя идея, пожалуйста, прекрати. Мы можем добавить вот что: кухарку тащили за волосы по дороге ночью за то, что она слушала отчаянные речи молоденькой девушки, она понимала ее, она знала, что это такое, когда тебя уводят из дома в другую семью и заставляют жить там. Она знала, какая это медленная смерть, и хотя юная Астер была дочерью человека, который забрал кухарку из ее дома и потребовал от нее известных услуг, она вызвалась помочь Астер бежать от брака, на который та была обречена с самого детства, она собиралась увести Астер далеко от этого места. Туда, где они обе будут свободны.

Но кухарка не понимала, что, когда проступок совершают двое, наказывают нередко только одного, и нередко это тот, кто падает на землю на этой дороге, залитой светом печальной луны, и отвечает за все перед яростью одного человека, который представляет многих. Кухарка слышит мольбы Астер, слышит ее обещания, но знает, что Астер ждет другое наказание: ее принуждением заставят следовать по выбранной для нее узкой дороге. И она знает, что после этой ночи

она никогда не будет говорить с девушкой о глупой надежде, которую они когда-то разделяли, что они будут стыдиться своей глупости, потому что их надежда теперь лежит посреди этой забытой богом дороги, искалеченная до неузнаваемости. И еще она знает, что теперь они будут связаны этим стыдом, соединены договором, таким крепким, что ни один человек не будет в силах его разорвать. То, что они могут сделать с человеческим телом, поразительно, кухарка думает и об этом, когда ее бьют, думает, пока все мысли не покидают ее. Это тело поразительно даже в своей уродливости.

Но есть и другая истина о той ночи, когда они пытались убежать: Астер слышала плач кухарки под ударами. Она слышала, как летело во тьму ее собственное имя, выкрикиваемое, как проклятие. Звучал голос ее отца: Скажи мне, куда вы собирались бежать, прежде чем я убью тебя. Звучал голос кухарки, которая требовала, чтобы он прекратил. Мне уже невозможно, я хочу домой, Астер, останови своего отца, скажи ему, перестань прятаться. Голос кухарки, которая пыталась спрятаться, зарывшись в землю. К той ярости, которая владела отцом Астер, вела долгая дорога. Хотя Астер и была испугана до смерти, но могла бы встать между ним и кухаркой, остановить отца, но она не сделала этого. Она предпочла ждать и смотреть, как кулак взрослого мужчины вонзается в мягкий живот женщины. Она хотела понять, в какой момент сломается воля сильной женщины. Она хотела понять, что требуется, чтобы расщепить гордость женщины голыми

руками. Она хотела рассчитать цену бунта. Она стояла там, смотрела на эту женщину, которая кричала, потом визжала, потом стонала, потом смолкла, и тогда Астер поняла, что ни разу эта женщина не просила. В ту ночь Астер познала истинную меру мужества. Она поклялась, что и сама будет такой со своим мужем, которого еще не видела, и напредила себе о своем происхождении, о своей крови и о том, чего она стоит по своему рождению. И только после всего этого схватила она отца за руку и стала молить о прощении.

Глава 12

Ферендж смотрит на Хирут над костровищем, его тонкое лицо перекосилось в области рта. Он неторопливо жует листик ката⁴⁰, сдвигает свои большие солнцезащитные очки повыше на голову. Когда очки соскальзывают на нос, он снимает их, засовывает в карман рубашки и показывает на поднос с чаем и хлебом в руках Хирут. Он покачивает головой и хлопывает себя по животу. Хирут смотрит на него, а Кидане молча показывает ей – поставь поднос. Двое мужчин стоят лицом друг к другу, между ними длинная черная сумка.

Положите оружие туда, на ровное место, говорит Кидане иностранцу, показывая на место в нескольких шагах от них. Потом начинает говорить на иностранном языке.

Ферендж отвечает что-то, с его натянутых губ срывается долгий ряд вздохов.

Хирут не может скрыть свое очарование его бледной кожей, его голубыми глазами, лилово-синими линиями на тыльной стороне его рук. Он лишен всякого цвета, оставлен на милость солнца и ветра. Белки его глаз с красной каемочкой слишком легко смешиваются со зрачками.

Жак не хочет класть свое оружие на землю, он должен его продать, говорит ей Кидане. Дай ему твою *нетелу*⁴¹.

---

⁴⁰ Наркосодержащее растение, растет в Кении и Эфиопии.

⁴¹ Двухслойная ткань ручной работы в форме шарфа, национальная одежда в

Кидане после их появления исчез из лагеря. Пока женщины под руководством Астер организовывали доставку провизии и приготовление пищи, он вместе со своим войском находился у подножья холма, и о том, что они под покровом ночи проходят боевую подготовку, говорили только подсвеченные луной облака пыли в долине. После своего возвращения на рассвете он, переходя от одной группы женщин к другой, мог говорить только о нехватке винтовок в Эфиопии и об итальянских кораблях, прибывающих в Массаву с грузом оружия и танков. Война началась, столкновения по всему району учащались, а у его людей были только старые маузеры и вышедшие из употребления албины. Он сыпал проклятиями: какой прок от ржавой Белджиги или Вуджигры? Что мне делать с этими бесполезными копьями и без патронов? А теперь он разговаривает с этим *фхеренджем*, вид у того еще более изможденный, чем прежде, говорит он хриплым голосом, а когда сидит — его чуть ли не шатает.

Этого мало, Жак, тихо говорит Кидане, замерев. Ничего этого недостаточно.

Хирут проглатывает негодование, снимая с плеч *нетелу*, и чувствует, как свежая прохлада стучится в ее грудь. Ее уродливые раны пульсируют на холоде, они все еще красные и болят.

Жак усмехается, выставляет ей свой подбородок, когда она кладет перед ним *нетелу*. Он развязывает длинную чер-

ную сумку – в ней лежит несколько винтовок. Он стреляет взглядом в Хирут, потом кладет винтовки на ее *нетелу*. Здесь пять новеньких винтовок, они сверкают и лоснятся, как ничто из того, что Хирут видела прежде.

Откуда-то доносятся звуки выстрелов, которые раскалывают набирающее яркость небо. Хирут поднимает голову, но нет ничего, что говорило бы о приближающейся армии, не слышно рева летящих самолетов или колонн техники. Жак показывает на нее, и Кидане поворачивается. Она чувствует, как их глаза вперяются в ее шрам. Она перекрещивает руки на груди.

Жак отворачивается, чтобы сплюнуть, и оттирает рот тыльной стороной руки. Медленное, тянущееся движение вдоль губ. Он разглядывает что-то за плечом Хирут.

Ферендж обращается с какими-то словами к Кидане, его зубы, челюсти плотно сомкнуты.

Кидане отрицательно качает головой, поначалу медленно, потом быстро. Он в ярости.

Что он говорит? Астер переводит взгляд с одного мужчины на другого. Ты же знаешь, я не говорю по-французски.

Солнце высвечивает оттенки красно-коричневого в сплетенных в косички волосах Астер. Оно расплескивает краску на ее щеках. Глаза у нее в ярком свете ясные. Жак, хотя и показывает на Хирут, стреляет глазами в Астер.

Винтовочные выстрелы снова эхом доносятся из-за горизонта. Они все с испуганным видом подаются вперед и смотрят

рят в направлении звука.

Адиграт, вполголоса говорит Астер.

Мекелле⁴², говорит чужестранец. Он поворачивается назад к Кидане. И опять показывает на Хирут.

Кидане берет одну из винтовок. Взвешивает ее в руке, делает вид, что прицеливается. Потом, подавленный, осторожно кладет ее. Они слишком дорогие, говорит он. Я использовал все свои кредиты на покупку прошлой партии, а он еще задирает цену. Кидане отрицательно качает головой, он смущенно смотрит на Астер, его взгляд полон раскаяния.

Ферендж смотрит на пару, вид у него удовлетворенный и одновременно любопытствующий. Потом он подается вперед и шепчет что-то Кидане на ухо. Он хватается Кидане за руку, когда тот пытается отпрянуть, и продолжает говорить, настойчиво и громко.

Что он говорит? спрашивает Астер.

Уйди-ка отсюда. Быстро, говорит Кидане, и возьми ее с собой. Он едва может смотреть на Хирут.

Астер удивленно смотрит на него.

Уходи! Немедленно!

Вся усталость Кидане исчезла, вытесненная взрывом ярости.

Жак закрывает глаза и кладет в рот свежие листья ката. Он довольно жует, тихонько дышит, шаря руками в карманах. Хирут смотрит на него, ее смущает его беспечный вид

---

⁴² Адиграт, Мекелле – названия эфиопских городов.

и полное равнодушие к ссоре, возникшей по его вине.

Его глаза широко распахиваются, пугая ее, и на лице появляется улыбка. Тебя как зовут? Спрашивает он на амхарском. В его голосе то же шипение, которое слышится, когда он говорит по-французски. У него странное произношение, звучание его слов пропитано слюной. Меня зовут Жак Кора. Его рот снова раскрывается в улыбке, обнажая еще больше порченных зубов.

Астер недоуменно смотрит на него. Он хочет эту девочку? Хирут кидает мимолетный взгляд на Кидане. Когда Астер протягивает ей руку, она берет ее, крепко вцепляется и припадает к женщине.

Жак связывает концы *нетелы* и поднимает связку винтовок. Его рот искажает кривая улыбка, защечное пространство с одной стороны у него набито жеваным листом.

Кидане становится между ними и показывает на лагерь. Он говорит успокаивающим, льстивым голосом. Жак отрицательно качает головой.

Кидане обращается к Астер. Возьми накидку моего отца. Принеси ее и ожерелье.

Жак снова качает головой. Мне не нужна старая накидка, говорит он на идеальном амхарском. У меня достаточно золота.

Хирут слышит через плечо тяжелое дыхание кухарки, которая появляется из-за поворота, обосновывается в напряженном молчании между ними. Берхе насвистывает ту са-

мую мелодию, которую он всегда пытается довести до совершенства во время работы. С той стороны, откуда они пришли, слышатся новые выстрелы: Кидане бормочет проклятия, а Астер вздрагивает. Но они замерли на своих местах, как на одной из газетных фотографий в кабинете Кидане.

Принеси мне ожерелье, повторяет Кидане.

К этому времени кухарка и Берхе подходят еще ближе и теперь недоуменно смотрят на чужестранца.

Я ни за что не отдам его этому *френджу*, говорит Астер.

Кухарка смотрит на винтовки. Она переводит взгляд с лица Жака на лицо Кидане, а когда ее глаза останавливаются на Хирут, в них появляется знание, слабый блеск отвращения. Эта девчонка бесполезна, говорит она.

Астер открывает рот, но Жак опережает ее. Бесполезных девчонок не бывает. Он подмигивает Хирут.

Возьми ее, и у тебя только появится еще одна забота, продолжает кухарка. Она слабая и часто болеет. Посмотри на ее грудь – ты что, слепой?

Почему бы тебе не заткнуться, говорит Астер. Она произносит эти слова сквозь зубы.

Тогда иди принеси свое драгоценное ожерелье, говорит кухарка. Иди, оно вообще-то вовсе не тебе предназначалось, ты его не заслужила.

Френдж медленно моргает, глядя на кухарку красными глазами. Он смотрит на Кидане. У меня есть еще десять винтовок. Золото эти итальянские крестьяне все равно заберут.

Отдай мне девочку. Пятнадцать винтовок.

Кидане смотрит на Хирут, потом на Астер. Он смотрит на свои пустые руки, потом переводит взгляд на *фференджа*.

Ты вернешься, говорит Жак, обращаясь к Хирут. Я доставлю тебя назад, не беспокойся. Я часто здесь бываю – через две-три недели мы вернемся. Он смотрит на Кидане и добавляет: Подумай о том, скольким своим людям ты сохранишь жизнь, имея эти винтовки. А с винтовками они убьют итальянцев и возьмут уже их винтовки.

Одна неделя, говорит Кидане.

Жак отрицательно качает головой. Теперь передвигаться здесь стало труднее. Я обещаю, что буду о ней заботиться. Она твоя родственница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.